

РОЖДЕННЫЕ В КРОВИ

ХРОНИКИ
МАФИИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
18+
БРАНЬ

ЭКСКЛЮЗИВНО
в ЛитРес:
Абонemente

СВЯЗАННЫЕ **МЕСТЬЮ** КОРА РЕЙЛИ

250,7 МЛН. ПРОСМОТРОВ ВИДЕО В ТІКТОК С ХЭШТЕГОМ #КОРАРЕЙЛИ,
85,8 МЛН. ПРОСМОТРОВ С ХЭШТЕГОМ #ХРОНИКИМАФИИ

переведена на 7 языков

Хроники мафии. Рождённые в крови

Кора Рейли

Связанные местью

«Издательство АСТ»

2017

Рейли К.

Связанные местью / К. Рейли — «Издательство АСТ»,
2017 — (Хроники мафии. Рождённые в крови)

ISBN 978-5-17-149095-9

Книга доступна эксклюзивно в ЛитРес: Абонементе. Выберите тариф, чтобы получить доступ к книге. Люди называют его Гроулом при встрече, а за спиной – Бастардом, но никто не знает его настоящего имени. Он нежеланный внебрачный сын, которому всегда приходится довольствоваться объедками других. Дон Каморры Фальконе держит его при себе как цепного пса, как монстра, выполняющего любую грязную работу. А сам Гроул всегда чувствует себя изгоем, люди смотрят на него так, словно боятся запачкаться. И вот ему отдают девушку, которая всего несколько дней назад была для него не досягаема. Кара – самый ценный подарок, который он когда-либо получал. Но подарок сделан не за верную службу, а чтобы наказать отца Кары, ведь Фальконе уверен: Гроул сломает ее. Это участь хуже смерти, способ отомстить ее отцу, предавшему своего Дона. Кара хорошая девочка из высшего общества, которая должна была удачно выйти замуж. Но теперь она находится во власти монстра, отверженного людьми и не знающего пощады.

ISBN 978-5-17-149095-9

© Рейли К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кора Рейли

Связанные местью

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Copyright ©2017 Cora Reilly

* * *

Пролог

ГРОУЛ

Настороженный взгляд. Приоткрытые губы. Раскрасневшиеся щеки. Бледная кожа. Она была похожа на фарфоровую куклу: большие голубые глаза, волосы цвета горького шоколада и кремово-белая кожа; хрупкая красота, то, к чему я не должен был прикасаться, потому что мои покрытые шрамами руки привыкли к грубости и жестокости. Пальцами обхватил ее запястье; ее пульс бился так отчаянно, словно птичка, попавшая в клетку. Она пыталась бороться, пыталась быть храброй, пыталась причинить мне боль, может быть, даже убить меня. Неужели она и впрямь надеялась, что у нее что-то выйдет?

Надежда... она делала людей глупыми, заставляла их верить во что-то за гранью реальности. Я же давно искоренил привычку питать надежды. Знал, на что я способен. Она надеялась, что сможет убить меня. Я же *знал*, что мне под силу убить ее. В этом не было сомнений.

Я провел рукой по мягкой коже ее шеи, слегка обхватив ее пальцами. Ее зрачки расширились, но я не стал давить, лишь едва касался. Ее пульс бился под моей грубой ладонью. Я был охотником, а она – моей добычей. Я был тем, кто пришел за своей наградой. Вот почему Фальконе отдал ее мне.

Мне нравилось все, что причиняет боль. Мне нравилось причинять боль другим. Я наклонился так, что мой нос почти коснулся нежного участка кожи у нее за ухом, и втянул в себя воздух. К цветочному аромату примешивался едва уловимый запах пота. Страх. Его я тоже почувствовал. Я не мог больше противиться своим желаниям. Да мне и не надо было теперь. Никогда больше. С ней больше никогда. Моя. Она принадлежала мне.

Я прижался губами к ее разгоряченной коже. Ее пульс трепетал под моими губами, когда я целовал ее в шею. Паника и ужас отбивали бешеный ритм у нее под кожей. И это привело меня в состояние крайнего возбуждения.

Ее взгляд встретился с моим. В нем промелькнул проблеск надежды... проклятой надежды. Глупышка... В ее взгляде читалась неприкрытая *мольба* о пощаде. Она не знала меня, не знала, что все человеческое во мне умерло давным-давно. Милосердие – последнее, о чем я думал в тот момент, когда своим взглядом клеймил ее тело.

Глава первая

КАРА

Когда я впервые встретила его, он был одет не так, как раньше. На нем был стильный черный костюм, скроенный таким образом, что в нем он становился похожим на одного из нашего круга. И несмотря на то, что слои дорогостоящей ткани скрывали его многочисленные татуировки, они не могли скрыть его истинной природы. Он был опасным и диким зверем. Тогда я и подумать не могла, что ближе, чем кто-либо другой, познакомлюсь монстром, который живет в его душе. Не предполагала... что это перевернет всю мою жизнь с ног на голову. Что это изменит меня до неузнаваемости.

* * *

– Поверить не могу, что они позволили тебе пойти с ними, – пробормотала Талия. Я отвернулась от зеркала, чтобы взглянуть на нее. Она сидела, скрестив ноги, на моем стуле, одетая в свои выдавшие виды спортивные штаны, а ее длинные каштановые волосы были собраны на макушке в беспорядочный пучок. Ее растянутая выцветшая футболка с дырками и пятнами, привела бы нашу мать в ярость. Талия мрачно улыбнулась, проследив за моим взглядом. – Ты же в курсе, что мне особо не для кого здесь наряжаться.

– Существует разница между тем, чтобы не наряжаться, и тем, что делаешь ты, – сказала я с оттенком неодобрения в голосе. На самом деле я не злилась на сестру за то, что она носила выдавшую виды одежду, но я знала, что ее единственной целью было разозлить маму. Причем таков был вероятный сценарий развития дальнейших событий, учитывая склонность нашей матери к перфекционизму и привычке все преувеличивать. Но чего я правда не хотела, так это того, чтобы ее настроение испортилось незадолго до начала бала. Потому что тогда я останусь в проигрыше. Угадайте, кого мама выбирала мишенью для своих колкостей? Уж конечно не папу. У мамы была склонность принимать все слишком близко к сердцу, когда Талия или я совершали, по ее мнению, промахи.

– Я лишь хочу донести свою точку зрения, – сказала Талия, слегка пожимая плечами.

Я вздохнула.

– Нет, ты ведешь себя мелочно и по-детски.

– Вообще-то, я и *есть* ребенок, причем слишком маленький для светского раута в особняке Фальконе, – повторила Талия, подражая тону матери.

– Это мероприятие для взрослых. Большинству пришедших туда будет больше восемнадцати лет. Мама права. Тебе не с кем было бы поговорить, и кому-то пришлось бы присматривать за тобой весь вечер.

– Мне пятнадцать, а не шесть. А ты всего на четыре года старше меня, так что не води себя как взрослая, – возмущенно сказала она, поднимаясь со стула. Пошатываясь, она направилась в мою сторону и посмотрела мне прямо в глаза, в ее взгляде читался вызов. – Это наверное, ты сказала маме не брать меня туда, потому что знала, что тебе придется присматривать за мной. Ты *боялась*, что я опозорю тебя перед твоими такими идеальными подругами.

Я нахмурилась.

– Ты ведешь себя нелепо.

Но чувство вины вспыхнуло во мне из-за слов Талии. Я не уговаривала маму заставить Талию остаться дома, но и не очень упорно настаивала на том, чтобы моя сестра присоединилась к нам. Талия была права. Я боялась, что вынуждена буду застрять с ней на весь вечер. Мои подруги терпели ее, когда мы встречались у нас дома, но сам факт, что им пришлось бы оши-

ваться на официальном приеме в компании с девушкой на четыре года младше их, не привел бы их в восторг. Вечеринка у Фальконе всегда означала шанс встретить подходящую пару, а необходимость нянчиться с сестрой своей подруги фактически сводил такой шанс на нет. Мне же хотелось, чтобы этот вечер стал особенным.

Должно быть какая-то из этих мыслей слишком явно отразилась на моем лице, потому что Талия усмехнулась.

– Я так и *знала*. Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты, хлопнув дверью так сильно, что я не могла не поморщиться.

Я вздохнула, затем повернулась к своему отражению, в последний раз проверяя макияж и прическу. Мне довелось просмотреть немало обучающих видео бьюти-блогеров, чтобы убедиться, что я правильно сделала дымчатый макияж глаз. Все должно было быть идеально. Мать была суровым критиком, но Триш с Анастасией были еще хуже. Они бы наверняка заметили, если бы я подобрала не тот тон теней для век к своему платью или если бы моя рука дрогнула, когда я наводила стрелки. Именно их пристальное внимание к моей персоне всегда служило мощным стимулом подходить к своему образу со всей тщательностью. Они были причиной того, почему я всегда была в тонусе. Для чего же еще нужны друзья.

Мое платье было темно-зеленым, а тени для век всего на несколько тонов светлее. Идеально. В последний раз проверила маникюр на наличие трещин, но ногти тоже выглядели безупречно. Они были покрыты нежным темно-зеленым лаком. Я несколько раз разгладила подол платья, чтобы он идеально облегал мои колени, затем снова пригладила волосы и убедилась, что ни одна заколка не выпала.

– Кара, ты готова? Нам нужно выезжать, – прокричала мама снизу.

Я посмотрела на свое отражение и снова разгладила невидимые складки на платье, окинула взглядом колготки, затем, наконец, заставила себя поспешить из комнаты, пока мама наконец не потеряла терпение. Я могла бы часами проверять свой наряд на возможные огрехи, если бы у меня было время.

Мама стояла в дверях, впуская в дом прохладный осенний воздух, когда я сошла вниз. Она посмотрела на свои золотые часы, а потом надела свою великолепную шубу, которая стоила жизни многим горностаям. Даже несмотря на то, что в ноябре в Лас-Вегасе было необычайно холодно, шуба была здесь совершенно не к месту, но поскольку мама купила шубу много лет назад в России и любила ее до безумия, она использовала любую возможность, чтобы надеть ее, даже если это было не по погоде.

Я подошла к ней, не обращая внимания на кислую мину Талии, которая стояла, прислонившись к перилам. Мне было ее искренне жаль, но я не хотела, чтобы кто-то или что-то испортило мне этот вечер. Отец и мать почти никогда не разрешали мне посещать вечеринки, а сегодняшний вечер был самым большим событием года в кругах, где вращалась моя семья. Все, кто стремился занять хоть сколько-нибудь высокое положение в Лас-Вегасе, пытались получить приглашение на праздник в честь Дня благодарения у Фальконе. И в этом году я была приглашена впервые. Триш и Анастасии посчастливилось присутствовать в прошлом году, и если бы отец не запретил мне, я бы тоже пошла. Я чувствовала себя маленькой и обделенной всякий раз, когда Триш и Анастасия говорили о вечеринке в предыдущие и последующие недели, что они делали без остановки, вероятно, потому, что это давало им возможность позлорадствовать.

– Передавай привет Триш и Анастасии, а Козимо поцелуй от меня, – приторно сладко протянула Талия.

Я покраснела. Козимо. Он тоже должен был быть приглашен. До этого я встречалась с ним всего дважды, и наше общение было более чем неловким.

– Талия, выбрось эти ужасные тряпки в мусорное ведро. Не желаю наткнуться на них где-нибудь в доме, когда мы вернемся, – приказала мама, не глядя на мою сестру.

Талия упрямо вздернула подбородок, но даже с другого конца комнаты я могла видеть намеки на слезы в ее глазах. И снова чувство вины нахлынуло на меня, но я осталась стоять неподвижно рядом с входной дверью.

Мама заколебалась, как будто тоже поняла, как обидно было Талии.

– Может быть, в следующем году тебе разрешат поехать с нами. Она произнесла это так, как будто это не было ее решением исключить Талию из числа приглашенных на вечеринку. Хотя, честно говоря, я не была уверена, что Фальконе будут слишком счастливы, если люди начнут брать с собой своих младших детей, учитывая, что Фальконе не отличался терпением или любовью к семейным ценностям. Даже собственных детей он отправил в школу-интернат где-то в Англии, чтобы те не нервировали его. По крайней мере, если верить слухам. Дети Фальконе были в некотором роде запретной темой для обсуждения.

– Надень шубу, – велела мама. Мне пришлось подчиниться. Когда я выходила, то даже не оглянулась на Талию, которая, наверное, огорчилась из-за такого моего невнимания. Отец уже ждал на водительском сиденье черного «Мерседеса», стоящего на нашей подъездной дорожке. Прямо за ним была припаркована еще одна машина с нашими телохранителями. Мне было интересно, каково живется тем людям, которые не нуждаются в постоянной охране.

Мама распахнула шубу чуть шире. Я хотела сказать ей, что это Лас-Вегас, а не Россия. Но если она предпочитала получить тепловой удар, расхаживая в своей шубе, то это была ее проблема.

Мама опустила на пассажирское сиденье, а я проскользнула на заднее сиденье машины. Я еще раз бегло осмотрела свои колготки на предмет затяжек, но все было безупречно. Безупречны, как всегда.

Я подумала, что компании-производители колготок должны размещать на своей упаковке предупреждение типа «Предназначены только для нахождения в положении стоя, движение запрещено», учитывая, как легко было обзавестись затяжкой. Для этого всего-то и нужно было, что ходить. Вот почему я на всякий случай сунула в сумочку две пары новых колготок.

– Пристегнитесь, – произнес отец. Мать наклонилась и промокнула его лысую голову от пота салфеткой. Я не могла припомнить, были ли у отца когда-нибудь волосы.

– Кара, – произнес отец с ноткой раздражения в голосе.

Я быстро пристегнулась, и он выехал с нашей подъездной дорожки.

– У нас с Козимо сегодня днем состоялся короткий разговор, – сказал он как ни в чем не бывало.

– А? – вопросительно произнесла я. У меня внезапно скрутило живот от беспокойства. Что если Козимо передумал? Что если нет? Какой из этих двух вариантов заставил мой живот сжаться сильнее? Тем не менее я все же заставила свое лицо принять нейтральное выражение, когда заметила, что мама смотрит на меня через плечо.

– И что он сказал? – спросила я.

– Он предложил сыграть свадьбу следующим летом.

Я сглотнула.

– Так скоро?

Между бровями отца залегла небольшая морщинка, но мать заговорила первой.

– Тебе уже девятнадцать, Кара. Следующим летом тебе исполнится двадцать. Самое время стать женой и матерью.

У меня внезапно закружилась голова. Кое-как женой я себя еще представляла, но вот матерью определенно нет. Я была слишком молода для этого. Когда же у меня будет шанс побыть самой собой? Понять, кем я была на самом деле или кем бы я хотела стать?

– Козимо – порядочный человек, а порядочных людей сейчас не так-то легко встретить, – заговорил отец. – Он ответственный. Кроме того, он был финансовым консультантом Фальконе на протяжении почти пяти лет. Он очень умен.

– Знаю, – тихо произнесла я. Козимо был отличной партией при любом раскладе. И внешность имел приметную. Только вот рядом с ним я не чувствовала того особого волшебного трепета, о котором пишут в романах. А ведь это был мужчина, за которого мне предстояло выйти замуж. Может быть, этот трепет появится сегодня вечером? Разве вечеринки не были идеальным местом для того, чтобы влюбиться в кого-то по уши? Мне просто нужно было расслабиться.

* * *

Вскоре мы въехали на территорию городской усадьбы Фальконе и остановились у величественного дома, по виду напоминающего дворец. Перед ним красовался огромный фонтан с римскими статуями, которые извергали из себя струи воды синего, красного и белого цвета. Как говорил отец, статуи для Фальконе ваял скульптор из Италии. Да и стоял фонтан куда больше, чем отцовская машина. Это была лишь одна из множества причин, по которым мне не нравился Фальконе. Судя по тому, что отец рассказывал мне об этом человеке, он был ужасным хвастуном и постоянно кичился своим богатством. Отчасти я была рада, что мы с моей семьей на его стороне. Никто не хотел иметь Фальконе в числе своих врагов.

Куда ни глянь, везде были припаркованы дорогие машины. Оценивая их численность, я задавалась вопросом, как все гости поместятся в доме так, чтобы не толпиться, наступая друг другу на пятки. Несколько лакеев бросились к нашей машине, как только она остановилась, и открыли нам дверцы. На лестнице лежала красная ковровая дорожка. Это была настолько показушная деталь интерьера, что мне стало смешно. Я покачала головой, но быстро осеклась под пристальным взглядом матери. Они с отцом велели меня идти между ними, а наши телохранители шли, как и полагается, позади нас. У двери нас поджидал еще один слуга с профессионально натянутой улыбкой. Ни Фальконе, ни его жена не вышли, чтобы встретить нас лично. А, собственно, почему, удивилась я.

Прихожая была больше всех тех прихожих, которые мне когда-либо довелось видеть. Мириады хрустальных фигурок всех форм и размеров были расставлены у стен и на буфетах, а несколько огромных портретов Фальконе и его жены украшали высокие стены.

– Будь вежливой, – прошептала мама себе под нос, когда нас повели к двойным дверям, ведущим в бальный зал с хрустальными люстрами и столами для VIP-гостей, окаймлявшими танцпол. Вдоль одной из стен тянулся длинный стол, уставленный тарелками с канапешками, горами лангустинов и омаров, мисками с колотым льдом, где лежали самые большие устрицы, которые я когда-либо видела, жестяными баночками с осетровой икрой и всевозможными блюдами, которые я могла себе только вообразить. Наш провожатый извинился, как только мы вошли в бальный зал, и помчался к следующим гостям.

Я скользнула взглядом по гостям в поисках моих друзей. Мне не терпелось присоединиться к ним и позволить родителям самим искать компанию, которую они посчитают подходящей. Но мама отвлекла меня от моих поисков. Она слегка коснулась моего плеча и прошептала мне на ухо: – Веди себя прилично. Сначала нам нужно поблагодарить мистера Фальконе за приглашение.

Я посмотрела мимо нее туда, где отец уже разговаривал с высоким черноволосым мужчиной. Отец ссутулился, опустив плечи, как будто пытался отвесить своему боссу поклон. От этого зрелища у меня во рту появился горьковатый привкус. Переложив мамину ладонь себе на поясницу, я постаралась максимально приблизиться к отцу и его боссу. Мы остановились в паре шагов позади них, ожидая, когда они повернутся к нам. Фальконе первым обратил на меня взгляд, прежде чем отец заметил наше присутствие. От холода в глубине его глаз у меня по спине пробежала дрожь. Его белая рубашка с воротником-стойкой и черным галстуком-бабочкой придавали ему еще более устрашающий вид, от которого было трудно отделаться, учиты-

вая, что галстуки-бабочки, как правило, казались мне весьма комичными, как и те, кто осмеливался их надевать.

После обмена несколькими бессмысленными любезностями я, наконец, была отпущена восвояси и бросилась к одному из официантов, который держал поднос с бокалами шампанского. На официанте был сверкающий белый смокинг и белые начищенные до блеска туфли. По крайней мере, его наряд позволял легко вычислить официантов в толпе гостей.

Один из наших телохранителей последовал за мной, другой встал и у стены и не спускал глаз с моих родителей. Мне не давал покоя вопрос, зачем вообще было нужно тащить с собой телохранителей на вечеринку наших предполагаемых друзей. Я быстро отогнала эту мысль, желая ничем не омрачать себе вечер, и взяла бокал шампанского. Сделав большой глоток, я поморщившись от терпкого привкуса.

– Как ты можешь делать такое лицо, когда пьешь «Дом Периньон»? Между прочим, это лучшая марка игристого в мире, – сказала Триш, внезапно появляясь рядом со мной и хватая с подноса бокал шампанского.

– Это напиток королей, – нараспев произнесла Анастасия, а меня передернуло от того, что я не понимала, шутит она или говорит совершенно серьезно.

– Как раз пытаюсь привыкнуть к нему, – призналась я. Алкоголь помог мне расслабиться. Я была рада этому, особенно после того, как имела удовольствие переброситься парой фраз с Фальконе. Обе мои подруги были безупречно одеты. Анастасия в серебристом платье мечты в пол, а Триш – в светло-зеленом коктейльном платье, которое едва доходило ей до колен. Они в деталях поведали мне о своем походе по магазинам за новыми платьями по такому случаю. Естественно, мне не разрешили пойти с ними, несмотря на все мои попытки убедить родителей. Вместо этого мама заставила меня надеть платье, которое я купила на Рождество в прошлом году. Моим единственным утешением было то, что никто, кроме членов моей семьи, не видел меня в нем, так что я не опозорилась бы перед своими подругами.

– Слышала, что понимаешь все грани его вкуса со временем, – задумчиво добавила Триш. Она пригубила вино из своего бокала, и ее лицо осветилось блаженством. – Полагаю, что у меня всегда была склонность к «Дом Периньон», и в прошлом году у меня, безусловно, было достаточно шансов привыкнуть к его вкусу. И я намерена пить его и дальше, причем в гораздо большем количестве. Они с Анастасией рассмеялись, и я еще раз чертыхнулась, проклиная своих родителей за их гиперопеку в отношении меня. Если Триш и Анастасия смогли противостоять предполагаемым опасностям нашего мира, то и мне это под силу.

Триш одарила меня дразнящей улыбкой, затем обняла одной рукой, стараясь не испортить ни наши прически, ни макияж. Анастасия только улыбнулась. Лиф ее платья представлял собой шедевральное сочетание жемчуга и вышивки.

– Боюсь, что сделаю зацепку, если мы начнем обниматься, – сказала она извиняющимся тоном.

– Резонно, – подтвердила я, делая еще один глоток из своего бокала и стараясь при этом сохранять восторженную мину, а не морщиться от слишком терпкого вкуса. Мне было отлично известно, что большинство людей считало шампанское приятным и изысканным напитком, но мне же оно особого удовольствия не доставляло. Мне пришлось бы приложить немало усилий, чтобы не увидеть на лице Анастасии жалостливого выражения.

– Одна из твоих шпилек выбилась из прически, – сказала она.

Свободной рукой я попыталась быстро обнаружить ту чертову шпильку, которая едва не испортила мою прическу. Другие гости и без того бросали заинтересованные взгляды в мою сторону, поскольку эта вечеринка была для меня своего рода боевым крещением. И я, конечно, не могла показать себя в худшем свете.

– Позволь мне, – сказала Триш и воткнула шпильку обратно. – Вот так. Готово. – Она одарила меня милой улыбкой.

И это все? Судя по реакции Анастасии, можно было подумать, что я совершила непростительный грех.

– Сегодня все как на подбор, – произнесла Анастасия, пристально глядя на группу мужчин, стоявшую напротив нас. И что-то подсказывало, что говорила она вовсе не о закусках.

Все лица мужского пола, оказавшиеся в поле ее зрения, были по меньшей мере на десять лет старше нас. А оглядев залу, я поняла, что мы были самыми молодыми среди собравшихся гостей. Большинство присутствующих работали на Фальконе. Вечеринка была организована специально для его подчиненных. Сомневаюсь, что у него были друзья. Люди его круга не могли позволить себе столь непозволительную роскошь.

– Однако теперь, когда ты помолвлена с Козимо, ты просто не можешь заглядываться на других мужчин, – продолжила Анастасия, возвращая меня к реальности.

Я не знала, как реагировать на это замечание. Тон ее голоса, когда она это говорила, был каким-то странным. Она что завидовала? Ее отец, вероятно, уже подыскивал ей подходящую партию, так что скоро и она будет с кем-нибудь помолвлена.

– Мы все скоро выйдем замуж, – произнесла я примирительным тоном.

– Только вот тебе уж точно удалось заполучить самого высокопоставленного холостяка, – произнесла она с натянутой улыбкой. Затем она рассмеялась и чокнулась своим бокалом с моим. – Шучу. Не смотри на меня так потрясенно.

Я с облегчением рассмеялся. Мне и вправду не хотелось ссориться с Анастасией из-за Козимо. Мы все бы вышли замуж за хороших парней.

Музыка заиграла, и я сделала еще один глоток из бокала. Шампанское ударило мне в голову, я расслабилась и практически перестала обращать внимание на любопытные взгляды других гостей. На следующей вечеринке я уже точно буду считаться здесь своей, а участь быть центром всеобщего внимания постигнет кого-то другого. Триш выстукивала ногой ритм в такт песне, подпевая исполнителю, пока Анастасия не взглянула на нее. Мне пришлось подавить смехок. Временами отношения между ними накалялись из-за сущих пустяков.

К своему удивлению, я поняла, что даже мой телохранитель исчез из поля зрения, чтобы дать мне возможность побыть наедине с моими подругами. Медленно, но верно вечеринка принимала нужный оборот.

Я знала, что Талия устроит мне разнос, когда я вернусь сегодня вечером, но наши родители были правы, когда оба настаивали на том, что она еще слишком молода для подобного светского мероприятия в доме Фальконе. Естественно, я не призналась бы ей в этом. Было бы крайне трудно заставить ее простить меня, хотя когда я поведаю ей несколько пикантных слухов с этой вечеринки, помилование мне обеспечено. Не то чтобы я была опытной светской львицей. В этом вопросе мне придется положиться на Триш и Анастасию.

Я внезапно разозлилась из-за отношения отца ко мне. Возможно, он до сих пор отказывался брать меня на светские рауты, потому что думал, что я поставлю его в неловкое положение перед его боссом. Я неоднократно слышала собственными ушами, как он говорил маме, каким ужасным и жестоким был Фальконе. Неудивительно, что отец полагал, будто я могу струхнуть перед этим человеком. Что, конечно же, смешно. Фальконе все-таки человек, а не монстр, что бы там отец ни говорил. А даже если и так, если Фальконе чудовище, то тогда бы ему точно понравился мой испуг. Панический страх юной девушки явно пришелся бы ему по вкусу.

– Как по мне, они немного староваты, – сказала Триш, возвращаясь к нашей предыдущей теме.

– Я не против. Хочу, чтобы мой муж относился ко мне как к принцессе. А мужчины постарше с большей вероятностью оценят меня по достоинству, чем какой-то прыщавый юнец, – сказала Анастасия. При этом она заговорщически мне улыбнулась. Но по какой-то необъяснимой причине ее улыбка показалась мне фальшивой. – Из того, что я слышала, сделка

между твоей семьей и Козимо – дело решенное, так что совсем скоро состоится вечеринка по случаю вашей помолвки.

Я нахмурилась, услышав слово «делка», когда речь зашла о том, что я выхожу замуж за Козимо. Но, по правде говоря, этот термин, скорее всего, наилучшим образом описывал суть этой договоренности. Я слегка пожала плечами, пытаюсь изобразить безразличие. Мне не хотелось говорить о нем сегодня вечером, тем более что эта тема, казалось, выводила Анастасию из себя.

– Боже мой, Фальконе и своего монстра сюда позвал, – прошептала Триш, схватив меня за руку так, что я чуть было не пролила шампанское на ее платье. Тогда я проследила за ее взглядом и заметила в углу залы высокого мускулистого мужчину, который стоял прислонившись спиной к стене. На нем была белая рубашка, подчеркивающая рельеф его массивной груди, черный костюм и черные туфли. На самом деле, он не сильно отличался от собравшихся здесь мужчин, за исключением того, что он был без галстука – *и то, если принимать во внимание только его внешность*. Но в остальном, *опаси Бог*.

Надо сказать, что выглядел он весьма безобидно. Или, по крайней мере, пытался казаться таким. Только вот вряд ли он мог кого-то обмануть: его окутывала темная аура, сулившая опасность. Причем она была ощутима даже издалека.

Отец упоминал о нем раз или два и то полупрошептом, но я никогда его не видела. И он определенно был не из тех, кто упоминается в разделе светской хроники. Я сильно сомневалась, что какой-нибудь безбашенный писака готов рискнуть и навлечь на себя гнев такого человека, как он.

– Бастард – так зовут его многие, – добавила Анастасия. При этом она походила на кошку, которая заприметила птичку. Я понимала, почему она была так взволнована. Пока ничего интересного не произошло, но Анастасия, скорее всего, надеялась, что его присутствие послужит поводом для досужих сплетен.

– А как его зовут по-настоящему? – спросила я. Однажды я уже пыталась узнать это у мамы, но взгляд, которым она одарила меня, был настолько красноречив, что я бросила эту затею.

– Я не знаю его настоящего имени. Никто не знает. Люди называют его Гроулом¹ при встрече, а за спиной – Бастардом.

Я бросила на них вопросительный взгляд. Правда? Ни то, ни другое имя он бы сам для себя не выбрал. Кто-то же должен был знать, как его зовут. По крайней мере, Фальконе. Он знал все о своих подчиненных.

– Почему его так называют?

Анастасия пожала плечами, но даже не взглянула в мою сторону.

– После произошедшего с ним ужасного несчастного случая с его голосовыми связками что-то не в порядке. Вот почему у него на шее такой большой шрам.

С того места, где мы стояли, разглядеть шрам было сложно. Мы находились слишком далеко. Поэтому я предположила, что Анастасия знает о наличии шрама все из тех же сплетен.

– Что еще за несчастный случай?

– Толком не знаю. Некоторые говорят, что к этому причастна русская мафия, другие утверждают, будто он пытался покончить с собой, потому что у него не все в порядке с головой, но никто точно не знает, – пробубнила Анастасия себе под нос.

Вряд ли кто-то выберет подобный способ самоубийства. А Гроул вообще не был похож на парня, склонного к самоубийству, но кто знает, что творилось в его извращенном мозгу? История с Братвой в этом звучала гораздо более правдоподобно.

– Значит, они зовут его Гроулом, потому что его голос похож на рычание? – спросила я.

¹ От англ. growl – бубнить, издавать рычащие звуки.

Анастасия, казалось, пропустила мой вопрос мимо ушей, но Триш кивнула.

Я не спрашивала, почему его называют Бастардом. Как раз это прозвище я могла понять. Люди нашего круга крайне неодобрительно относились к детям, рожденным вне брака. Это было старомодно и нелепо, но некоторые вещи никогда не менялись. Я не знала, кто его родители. Но они уж точно не были из высшего общества.

Я снова перевела взгляд на парня. Казалось, его мало заботило происходящее вокруг, как если бы эта вечеринка входила в круг его каждодневных обязанностей. Но что-то подсказывало мне, что, несмотря на его показное безразличие, он был начеку. Сильно сомневалась, что что-то могло ускользнуть от его внимания. В руках он держал бокал шампанского, но тот все еще был полон. Изящный хрустальный бокал казался крошечным в его огромных ладонях. И я удивлялась, как он его еще не раздавил. Словно прочитав мои мысли, он повернул голову и уставился прямо на нас. Триш ахнула и дернулась, пролив несколько капель шампанского на дорогой паркетный пол. Мгновение спустя Триш и Анастасия, как по команде, резко опустили головы, разрывая с ним зрительный контакт. Может быть, таким образом они хотели заставить его поверить в то, что не наблюдали за ним. А, быть может, они просто не могли вынести силу его взгляда.

Теперь я поняла, почему мои родители и даже друзья, были так напуганы, когда говорили о нем. Даже издали от его пристального взгляда у меня чуть не подогнулись колени.

Однако мое сердце забилося быстрее не только от страха, но и от чувства, близкого к возбуждению. Все равно что наблюдать за тигром через стекло вольера и восхищаться его силой. Только здесь не было никакого стекла или иного барьера, и единственное, что удерживало его от нападения, это необходимость соблюдать социальные нормы. Поводок, на котором его держал Фальконе, был не осязаем. Его нельзя было увидеть, но он был на месте.

Мне было интересно, что творится у него в голове. Что он ощущал, находясь в окружении людей, с которыми у него не было почти ничего общего? Он был частью нашего мира, и в то же время казался белой вороной. Он был человеком, который прячется в тени, поскольку никто не желал видеть его при свете дня. Когда я поняла, что слишком долго наблюдаю за ним, то отвела взгляд, но даже это не смогло унять мой бешеный пульс. Не была уверена, когда в последний раз чувствовала себя такой... живой. Моя жизнь всегда шла по четко определенному плану, но сегодняшний вечер был похож на приключение.

– О боже, это было жутко! – прошептала Анастасия. – Ему следовало оставаться в той дыре, из которой он вылез.

Я же не могла вымолвить и слова. Мой язык, казалось, прилип к небу.

– Он все еще смотрит? – поинтересовалась я наконец, а сама при этом сосредоточилась на пузырьках шампанского в бокале.

– Нет, он ушел, – произнесла Анастасия с еле скрываемым облегчением. – Не могу поверить, что он явился сюда. Такие люди, как он, должны оставаться среди себе подобных, а не притворяться, что он один из нас.

Я метнула взгляд на угол, где он раньше стоял, но, как и сказала Анастасия, он исчез. По какой-то причине я нервничала из-за того, что не знала, куда он делся. Он был одним из тех людей, которых вам бы хотелось держать в поле зрения из страха, что они могут подкрасться к вам незаметно. И я могла бы поклясться, что все еще ощущала кожей его пристальный взгляд. Я вздрогнула. Паранойя была мне, как правило, не свойственна.

Я огляделась по сторонам, но его нигде не было видно. Попыталась избавиться от нелепого ощущения, что за мной следят. Мне было не выгодно вести себя сейчас как параноик. Если я опозорюсь, то пройдет немало времени прежде, чем меня снова пригласят на подобное мероприятие. Или, что еще хуже, Козимо может решить, что я не подхожу ему в жены. Мать с отцом никогда не простили бы меня, если бы такое вдруг произошло.

– Смотрите, кто к нам идет, – пробубнила Триш себе под нос, и на какой-то нелепый момент, от которого у меня чуть было не остановилось сердце, я действительно подумала, что это может быть Гроул.

Повернулась посмотреть, о ком она говорит, и почувствовала, как жар прилил к моим щекам. Козимо направлялся в нашу сторону. На нем был двубортный костюм серого цвета. Его темно-русые волосы были зачесаны назад, на носу красовались очки в тонкой оправе.

– Он похож на брокера, – тихо прокомментировала Триш.

Он занимался финансовыми вопросами Фальконе, так что ее сравнение было не так уж и далеко от правды. Костюм сидел на нем как влитой. Я никогда не видела, чтобы он носил что-то другое, кроме костюма. Тем острее его образ контрастировал с образом человека, за которым я шпионила всего пару секунд тому назад.

Триш и Анастасия сделали шаг в сторону, прижимаясь друг к другу и притворяясь, что дают нам с Козимо немного личного пространства, что, конечно же, было лишь притворством, так как я понимала, что они будут подслушивать, запоминая каждое сказанное нами слово.

Сомневалась, что они посмеют использовать их против меня. В конце концов, они были моими подругами, но рисковать мне не хотелось.

Козимо остановился гораздо ближе, чем следовало, взял мою ладонь и поднес к губам. Я чуть было не закатила глаза от этого жеста, хотя какая-то часть меня упивалась тем, что Триш и Анастасия обменялись оценивающими взглядами.

– Могу я пригласить тебя на танец? – спросил он ровным и спокойным голосом. Тон его голоса был всегда одинаковым, как и весь его хорошо продуманный образ в дорогом деловом костюме. Триш однажды сравнила Козимо с хорошо смазанной машиной. Сравнение подходило ему идеально. Он бросил взгляд в сторону моих подруг, но не произнес ни слова. Я чувствовала себя скованно. У меня было странное ощущение, что если я сейчас излишне эмоционально буду реагировать на жениха, то Анастасия разозлится. Иногда я понятия не имела, что, черт возьми, с ней происходит.

Я позволила ему увести меня в сторону танцпола, осознавая, что мои подруги с плохо скрываемым любопытством следят за нами. А наблюдали за нами не только они. Мои родители также пристально следили за нами. Я буквально съезжилась под силой их пристального внимания, прикованного к нам.

«*Не споткнись*», – повторяла я себе снова и снова, когда мы начали двигаться в такт музыке.

Когда мы танцевали, стоя близко друг к другу, я ожидала некоторого трепета, учащенного пульса, но ничего из этого не было. Козимо, естественно, не выглядел так, словно безумно влюблен в меня. Конечно для заключения брака любовь не обязательное условие, но ее наличие не помешало бы.

Козимо попытался завязать разговор. Погода, комплимент по поводу моего платья, в общем все то, что, по его мнению, могло бы меня заинтересовать. Но мне было скучно все это слушать.

Мои подруги все еще наблюдали за Козимо и мной. Хотя «наблюдать» было не совсем подходящим словом в случае с Анастасией. Видели бы вы тот взгляд, которым она одарила меня! Я и вправду надеялась, что она поскорее найдет себе подходящую пару. Зная ее характер, она, вероятно, просто разозлилась, что в кои-то веки я оказался на шаг впереди. Хотя я бы не возражала, если бы мой отец потратил больше времени, чтобы найти для меня более подходящую пару. Я перевела взгляд с нахмуренного лица своей подруги в тот угол, где раньше стоял Гроул. Он все еще не вернулся.

– Мы с подругами заметили здесь одного парня, – заговорила я, прервав Козимо. – Подруги сказали, что его зовут Гроул. Он выглядел...

Но мне не дали договорить. Козимо еще сильнее сжал мою талию.

– Ему следовало бы оставаться там, где ему самое место, – произнес он очень резко, чем очень удивил меня. А затем он ободряюще посмотрел на меня. – Не волнуйся. Ты в безопасности. Он прекрасно понимает, что ему запрещено приближаться к таким женщинам, как ты.

Я открыла рот, чтобы задать еще несколько вопросов, но Козимо покачал головой.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом.

В тот момент не хотелось больше ни о чем говорить, поэтому я позволила Козимо вести бессмысленную светскую беседу. Тем не менее, я осмотрела зал в поисках Гроула.

Козимо отвел меня обратно к подругам, и мы с Анастасией переглянулись. Ее хмурый взгляд, очевидно, тоже не ускользнул от его внимания. Будь я чуточку храбрее, я бы спросила у нее прямо, в чем проблема. Но мне не хотелось устраивать скандал на моей первой вечеринке.

Козимо извинился и направился к группе мужчин, среди которых был и Фальконе. Триш протянула мне очередной бокал шампанского.

– Как это было?

– Хорошо, – машинально ответила я, не желая признавать тот факт, что мне было глубоко фиолетово на моего будущего жениха.

– Вы мило смотрелись вместе, – слащаво пропела Анастасия. Удивление захлестнуло меня, и я сразу почувствовала, что расслабляюсь. Очевидно, Анастасия поняла, что у нее нет причин ревновать Козимо ко мне. Наконец-то пришло время насладиться вечеринкой.

Глава вторая

КАРА

Я заблудилась. Три бокала шампанского опьянили меня, и я плохо ориентировалась в пространстве. Этот дом был настоящим лабиринтом. Вряд ли здесь можно было чувствовать себя комфортно. По крайней мере, я не могла себе представить, что когда-нибудь буду чувствовать себя комфортно в месте, подобном этому. Но, возможно, портреты Фальконе почти в натуральную величину тоже играли здесь не последнюю роль. Взгляд его холодных глаз, казалось, следил за мной, куда бы я не пошла.

Я нащупала в сумочке свой мобильный и вытащила его, но заколебалась. Было ли уместно звонить Анастасии или Триш, чтобы сказать им о том, что я заблудилась в поисках уборной? Они бы даже не дослушали меня. Атмосфера между нами все равно была напряженной после моего танца с Козимо. Не стоит давать им повод для раздражения.

Не в первый раз я пожалела о том, что со мной рядом нет Талии. Вместе мы бы посмеялись над ситуацией, она бы еще долго дразнила меня, но беззлобно. Она не стала бы использовать это против меня, сплетничая с кем-нибудь.

Я замерла, с внезапным ужасом осознав, что не доверяю даже двум своим лучшим подругам. Я покачала головой. Таков был мир, в котором я жила. «Нельзя доверять людям, даже тех, кого ты зовешь друзьями» – вот, что всегда говорил отец. Я никогда не хотела ему верить. Я положила телефон обратно в сумочку. Ни за что не собиралась сейчас звонить кому-либо.

О матери все равно не могло быть и речи. О Козимо тем более. Он был для меня все равно что незнакомец. И у меня было ощущение, что так будет вплоть до дня нашей свадьбы и, возможно, еще очень долгое время после.

С тихим вздохом я пошла дальше. В какой-то момент я бы точно наткнулась на что-то, что указало мне путь обратно на вечеринку.

Я завернула за очередной угол – все они действительно выглядели одинаково, когда заметила чью-то фигуру. Кто-то стоял всего в нескольких шагах от меня. *Наконец-то* хоть кто-то подскажет мне куда идти.

Мой восторг сменился шоком, а потом и страхом, когда я поняла, с кем столкнулась. Гроул. Он не шелохнулся. Просто стоял там. Высокий и внушительный. Казалось, он пробыл в этом коридоре достаточно долго. Наверное, караулил жертву. И тут я как назло совсем одна. *Не будь смешной.*

Но как бы мне ни хотелось посмеяться над посетившей меня мыслью, у меня было такое чувство, что я была не так уж далека от истины. Страх и восхищение боролись во мне, и я напомнила себе, что он не причинит мне вреда. Мой отец был слишком важным человеком для Фальконе, а это означало, что и я тоже имею определенный статус. Возможно, Гроул был безжалостен, как любой убийца, но он определенно был умным монстром. И все же я надеялась, что мои телохранители скоро найдут меня. Но видели ли они вообще, как я покидала вечеринку? Они пытались дать мне и моим подругам немного свободы. Теперь же я жалела, что они это сделали.

Гроула наблюдал за мной, но его взгляд ничего не выражал. У него были очень широкие плечи, и костюм сидел на нем впрытик, а из-под сверкающей белизны рубашки проглядывало что-то черное, наверное, одна из его многочисленных татуировок. Я никогда их не видела, но нельзя быть частью какого-то общества и делать вид, что не слышишь то, о чем все говорят. Даже в костюме, будучи одет как любой мужчина из нашего круга, он не мог скрыть своей истинной сущности. Его татуировки – намек на монстра, облаченного в дорогой костюм – нельзя было скрыть. Мне стало интересно, как он выглядит без костюма. Только при одной

этой нелепой мысли мои щеки залились краской. Я определенно переборщила с количеством выпитого спиртного.

Он лишь на какую-то долю секунды нахмурился, а затем его лицо приобрело непроницаемое выражение. Я же поймала себя на мысли, что снова долго пялилась на него оценивающим взглядом. Вероятно, мне не очень хорошо удалось скрыть свои мысли о нем. Ошибка, которая способная разрушить все в нашем мире. Мои родители учили меня быть воспитанной.

Однако дверь за его спиной показалась мне смутно знакомой. Она вела в главный вестибюль. Я не пошевелилась. Открыть эту дверь означало приблизиться к нему.

Это было нелепо. Я была не просто обычной девушкой. И мы были не на улице, а в доме самого Фальконе. Гроул бы ничего мне не сделал. Даже у него имелись правила, которым он был вынужден следовать. Я была вне пределов его досягаемости, как и все девочки из семей, подобных моей. Сколько бы глупостей ни болтала Анастасия, но Гроул ничего не мог мне сделать.

Я расправила плечи и сделала несколько решительных шагов по направлению к Гроулу. *Ближе к вечеринке*, напомнила я себе, когда мой пульс участился. По какой-то причине мне это показалось похожим на охоту. Гроул был охотником, а я добычей, что даже не имело особого смысла, поскольку он почти не двигался с момента моего появления в коридоре.

– Я Кара, – поспешно сказала я. Может быть, если бы мне удалось разговорить его, он бы больше не казался таким опасным, но он никак не отреагировал, только смотрел на меня с непроницаемым выражением лица, а потом дверь позади него распахнулась, и появилась моя мать.

Ее взгляд остановился на мне, затем она перевела его на Гроула, и выражение ее лица стало жестким.

– Кара, мы с твоим отцом ищем тебя. Возвращайся на вечеринку, – велела она, полностью игнорируя мужчину, стоявшего с нами в коридоре.

Я кивнула и буквально промчалась мимо Гроула. Его глаза следили за мной, но он не издал ни звука. Кстати, глаза у него были янтарные, а не темные, как казалось издали. Когда я повернулась к нему спиной, мое тело охватила дрожь, и мне пришлось сдержаться, чтобы не оглянуться через плечо.

В тот момент, когда мы с мамой вышли из коридора в пустынный холл, она схватила меня за руку.

– О чем ты думала, оставаясь наедине с этим... этим человеком? – Она практически выплюнула последнее слово. Ее глаза были широко раскрыты, в них плескалось отчаяние. – Поверить не могу, что его впустили. Ему самое место в клетке в кандалах, подальше от всех порядочных людей.

Ее ногти впились в мою руку.

– Мама, ты делаешь мне больно.

Она отпустила меня, и я, наконец, прочла эмоции на ее лице. Это был не гнев, а беспокойство.

– Я в порядке, – твердо произнесла я. – Я заблудилась и наткнулась... – Я перебирала в уме подходящие имена, чтобы назвать его иначе чем Гроулом, потому что это прозвище казалось слишком грубым, чтобы использовать его в присутствии моей матери, но ничего не придумала.

– Кара, ты не можешь вот так сбегать, не думая о последствиях своих действий.

– Я направлялась в дамскую комнату. А не сбегала, – возмутилась я.

– Козимо – хорошая пара. Смотри не испорти все.

Я моргнула, не веря своим ушам.

– Вот что тебя беспокоит!

Мама сделала глубокий вздох и прижала руку к моей щеке.

– Я беспокоюсь о тебе, а значит и о твоей репутации. В этом мире девушка – пустое место, если у нее запятнана репутация. Мужчины – дело другое. Они могут поступать так, как им заблагорассудится, и это даже наоборот поднимает их репутацию. Мы же вынуждены следовать иным стандартам. Нам суждено быть их тылом. Мы должны компенсировать их промахи. В этом состоит наше предназначение. Мы должны быть нежными, покладистыми и добродетельными. Мужчины же хотят все, что попадает в поле их зрения. Нам же суждено держать свои потаённые желания под замком, даже если мужчины сделать это не в силах.

Не впервые она говорила мне нечто подобное, но то, как она подчеркнула слово «желание» заставило меня беспокоиться о том, что она знала о реакции моего тела на близость Гроула.

Впрочем, ей не стоило волноваться. Мой страх перед этим человеком, перед всем, что он собой являл, и перед тем, на что был способен, превзошел тот едва ощутимый трепет от возбуждения, которое мое тело испытывало рядом с ним.

ГРОУЛ

Я наблюдал за тем, как они покидают коридор. Дверь захлопнулась, и я снова остался один. Ее ванильный аромат все еще витал в воздухе. Сладкий. Такие, как она, всегда выбирали сладкие ароматы. Я не понимал, почему они хотят казаться еще более хрупкими, источая ароматы нежных цветов.

Я потянул себя за воротник. Слишком тугой. Мне было невыносимо носить его. Все эти костюмы с жесткими воротниками. Не мой это стиль одежды. Воротничок давил на шрам на моей шее. Вот же собачий ошейник! Дорогой костюм, рубашка – все это не мое. Люди никогда не позволяли мне забыть об этом.

Выражение лица ее матери напомнило мне, почему я ненавидел подобные мероприятия. Люди не хотели видеть меня рядом. Они хотели, чтобы я делал за них грязную работу, и им нравилось говорить обо мне всякое дерьмо, но они боялись запачкаться о меня. Мне было насрать. Они ничего для меня не значили.

Я понимал, что они наблюдали за мной так, словно я был цирковым животным. Я был предметом сплетен этого вечера. Девушка, источавшая сладкий аромат, тоже наблюдала за мной с другого конца бального зала. *Смотрела, надо сказать, пристально.*

Но эта девушка удивила меня. Я знал, как ее зовут. Фальконе в последние несколько недель слишком часто упоминал о ней и ее семье. Кара. Скоро она узнает, каково это – впасть в немилость.

Несмотря на то, что мы оказались с ней наедине в коридоре, она не сбежала от меня с воплями. Она даже не выглядела испуганной. Несомненно, страх присутствовал; он всегда был, но еще было и любопытство – потому что я был монстром, которого они боялись, и это очаровывало.

Мне было все равно. Она была всего лишь девушкой. Девушкой из высшего общества в красивом платье с еще более красивым лицом. Мне было наплевать на красоту. Она ничего не значила. Красота была мимолетной, тем, чего можно лишиться в мгновение ока. Тем не менее, я несколько раз за вечер искал ее взглядом. Представлял, как срываю это красивое платье, представлял, как пробегаю своими недостойными руками по ее изгибам. Но все же я заставил себя отвести взгляд и покинул бальный зал, прежде чем смог сделать какую-нибудь глупость. Она была кем-то, кем я не мог обладать. Той, о ком я даже не смел грезить. Ею можно было восхищаться издали. И это было к лучшему.

КАРА

Той ночью вскоре после того, как мы вернулись домой, Талия пробралась в мою комнату. Я могла разглядеть ее стройную фигуру в тусклом свете, проникающем сквозь занавески. Она присела на край моей кровати.

– Не спишь?

Я улыбнулась. Возможно, она все еще злилась на меня, но ее любопытство, как всегда, пересилило.

– Нет, – прошептала я.

– Хочу знать подробности, – сказала она, вытягиваясь рядом со мной. Ее лицо было так близко, что я явственно ощущала запах ее мятного дыхания.

– Ну, это было и вполнину не так захватывающе, как ты себе воображаешь, поверь мне. Но тебе бы пришлось по вкусу нарядные платья.

– Должно быть, произошло что-то интересное. Что насчет Фальконе? Он и правда такой страшный?

– О, он был просто жуткий, но знаешь, кто оказался еще страшнее?

Она покачала головой, затаив дыхание.

– Гроул. Я натолкнулась на него в коридоре.

– Гроул, – с ноткой сомнения повторила она. – Кто он?

– Головорез Фальконе. Он весь покрыт татуировками. К тому же, он не может нормально говорить. Говорят, его речь похожа на рычание.

– Правда? Я могла поклясться, что она думает, будто я над ней подтруниваю.

– Правда.

– Ты что с ним говорила?

– Нет, – сказала я, жалея, что не услышала его голос. – Он лишь пялился на меня, не отрываясь. Это было странно.

– Жаль меня не было рядом. Вместо этого мне пришлось весь вечер пялиться в телик.

– Прости, – тихо произнесла я, нежно касаясь ее плеча. – Возможно, в следующий раз и тебе разрешат пойти на вечеринку.

– Сильно сомневаюсь в этом, – пробормотала она, затем резко села. – Лучше пойду к себе, пока мама меня не застукала. Она вскочила с кровати и на цыпочках направилась к двери. – Прежде чем уйти, она сказала: – Кстати, от тебя несет спиртным.

Я бросила в нее подушкой, но она увернулась, отскочив к двери.

Я все еще пребывала в возбуждении от прошедшей вечеринки. Сон не шел. Я нерешительно сунула руку под одеяло, проникая в пижамные штаны. Отдаваясь потребности в разрядке, которая требовалась мне с тех пор, как я увидела Гроула, я нащупала сокровенную точку, дарящую неземное блаженство. Темнота помогала перебороть внутреннее сопротивление и беспокойство о том, что меня поймут на горячем. Даже слова моей матери, эхом отдававшиеся в голове, не смогли остановить меня. *«Веди себя благопристойно, будь целомудренной. Это грех».*

Образ этого наводящего страх и ужас мужчины будоражил мое естество, и мне было сложно противостоять возникшей потребности. *«Неправильно»*, – кричал мой разум, но я прогнала эту мысль, пока, наконец, мое тело не расслабилось, получив разрядку. Было так волнительно представлять себе образ этого опасного человека!

Через несколько секунд на меня нахлынуло знакомое ощущение того, что я грязная. Это был грех. Мама не переставала повторять мне эти слова с того дня, как два месяца назад поймала меня за рукоблудием. С тех пор я сдерживала свои греховные желания до сегодняшнего вечера.

Я глубоко вздохнула, желая, чтобы мое сердце перестало бешено колотиться, чтобы мое тело перестало напоминать мне о том, что я только что сделала.

С тех пор как мама застукала меня, наши отношения стали напряженными. Я едва могла это выносить. Она избегала смотреть мне в глаза. Впрочем я тоже. Я была почти рада своей быстро приближающейся свадьбе, потому что так бы я смогла избежать осуждающих взглядов, которые бросала на меня мать. Я все еще ощущала, как волна неприкрытого стыда захлестывает меня, когда вспоминала тот злополучный день и выражение шока на лице моей матери. Я и раньше мастурбировала, но в тот день я впервые поняла, насколько это было неправильным. Тогда я поклялась себе никогда больше не позволять своему телу брать верх над моим разумом, и сейчас нарушила данное себе же обещание. Под покровом ночи я осмелилась снова сделать это и все из-за мужчины, о котором мне не следовало даже думать, не говоря уже о том, чтобы грезить о нем. *Это неправильно.*

Я была слаба и грешна, но в краткие моменты удовольствия я чувствовала себя куда более живой, чем когда-либо еще в моей жизни.

Глава третья

КАРА

Я понимала, что все идет из рук вон плохо, когда наблюдала за отцом во время ужина. Он нервничал, как загнанный в ловушку зверь. Талия переглянулась со мной. Ее темные брови вопросительно приподнялись. Она пыталась вести себя так, как будто она уже взрослая. Но временами казалось, что она уверена в том, что мне известно чуть больше, чем ей. Так уж сложилось, что в нашем доме всегда было больше вопросов, чем ответов.

Я слегка пожала плечами, переведя взгляд на маму, но ее внимание было сосредоточено на отце. При этом на ее лице было точно такое же выражение любопытства, что и у Талии. Мы так и остались без ответов. Отец пристально смотрел на свой iPhone, но экран оставался черным. Чего бы он ни ждал и на что бы ни надеялся, этого так и не происходило. Его пальцы нервно постукивали по столу из красного дерева. – Брандо, ты едва прикоснулся к еде. Тебе не нравится жареная говядина? – спросила мама. Она провела два часа на кухне за приготовлением блюд для нашего традиционного семейного воскресного обеда. В остальные дни за готовку отвечал наш личный повар.

Отец подскочил на стуле. Он перевел взгляд сначала на маму, затем на Талию, а потом и меня. Его глаза налились кровью, и мне стало не по себе. Я никогда раньше не видела его таким. Отец всегда отличался спокойствием и хладнокровием. Его мало что могло встревожить. Но после вечеринки у Фальконе он казался несколько напряженным.

– Я не голоден, – произнес отец, прежде чем снова перевести взгляд на экран своего мобильного телефона.

Я взглянула на его чуть выпирающий животик. Отец любил поесть, и никогда еще мамино жаркое из говядины не пропадало даром.

На экране его телефона высветилось сообщение, и лицо отца побледнело. Я отложила вилку в сторону, больше не испытывая голода. Отец вскочил на ноги. Его стул опрокинулся и рухнул на деревянный пол. Мама тоже встала, но мы с Талией словно приросли к своим местам. Что происходит?

– Брандо, что...

Отец умчался прежде, чем она успела закончить фразу. Немного поколебавшись, мама последовала за ним. Я уставилась на закрытую дверь, пытаясь уловить хоть что-то из их разговора, а потом поднялась. Талия все еще сидела на стуле, как приклеенная. Она моргнула, глядя на меня.

– Что нашло на отца?

– Без понятия, – призналась я. Я бегло глянула на дверь, разрываясь между желанием побежать за нашими родителями, чтобы выяснить, что происходит, и необходимостью соблюдать заведенные правила. Нам не разрешалось вставать из-за обеденного стола без разрешения. Мне не нравилось это правило, но я всегда ему следовала. В конце концов, семейные обеды были единственным временем, когда наша семья собиралась вместе.

Дверь в столовую снова распахнулась, и отец вернулся с двумя пистолетами в руках. Он положил один из них на стол, вытащил телефон и прижал его к уху. Я во все глаза уставилась на оружие. Я знала, кем был наш отец и чем он зарабатывал на жизнь. Осознавала с тех пор, как себя помню, хотя мама, Талия и я жили вполне обыкновенной жизнью. До сих пор отец старался поддерживать в нас иллюзию того, что мы обычные законопослушные люди. Для него это не представляло особого труда, потому как еще несколько месяцев назад мы с Талией посещали частную школу для девочек на полном пансионе и бывали дома только по выходным и во время каникул. А скоро я должна была полностью погрузиться в приготовления к собственной свадьбе, и в конце концов я перееду к Козимо, а Талия вернется в школу. Я никогда не видела,

чтобы он открыто демонстрировал оружие. Если честно, я никогда раньше не видела оружия так близко. Отец был связан с мафией, как и все, кто развивал свой бизнес в сфере азартных игр в Лас-Вегасе. Я не знала, чем именно он занимался, но я была уверена, что он управлял большей частью казино, принадлежащих Каморре.

Мать вошла в столовую. Выглядела она совершенно сбитой с толку, но отец даже не взглянул в ее сторону.

– Когда вас ждать? – зашипел отец в трубку. Через мгновение он кивнул. – Тогда мы будем готовы. Поторопитесь.

Наконец он повернулся к нам. Он пытался выглядеть спокойным, но его попытки оказались тщетными. У него дергался левый глаз, что сводило меня с ума.

– Талия, Кара, пожалуйста, соберите вещи. Берите только самое необходимое, чтобы хватило на пару дней.

Мать застыла как соляной столб.

– Брандо?

– Мы едем в отпуск? – спросила Талия с надеждой и наивностью, которыми мне сейчас хотелось бы обладать.

Отец всегда потешался над нами, если мы говорили что-нибудь глупое. Только не сегодня.

– Не веди себя глупо, Талия, – рявкнул он. Она подскочила на стуле, явно застигнутая врасплох резким тоном.

– У нас неприятности? – осторожно поинтересовалась я.

– У меня нет времени обсуждать с вами детали. Все, что вам нужно знать прямо сейчас, это то, что у нас не так много времени, поэтому, пожалуйста, захватите с собой все необходимое.

На экране телефона высветилось очередное сообщение. Отец с облегчением опустил плечи.

– Они здесь.

Он выбежал из столовой без всяких объяснений. На этот раз мы все трое последовали за ним в прихожую. Отец открыл входную дверь, и вошли несколько мужчин, которых я никогда раньше не видела. Выглядели они брутально: джинсы, кожаные куртки, кроссовки, странные татуировки и автоматы Калашникова наперевес.

Они выглядели как парни, с которыми меньше всего хотелось бы столкнуться в темноте – или вообще когда-либо сталкиваться. Они скользили по мне взглядами, что-то просчитывая. Они принадлежали к тем людям, завидев которых хочется перебежать на другую сторону улицы, чтобы только случайно с ними не встретиться.

Мне пришлось сдержаться от того, чтобы не скрестить руки на груди, словно защищаясь от них. Отец вытащил конверт из кармана пиджака и протянул его одному из этих парней. Талия коснулась моей руки. Хотелось бы утешить ее. Ведь она явно искала поддержки, но мои собственные нервы были на пределе.

Один из парней заглянул внутрь.

– Где остальное? – спросил он с сильным акцентом. Они были русскими? В их внешности было что-то славянское, но я постаралась выбросить из головы мысли о том, что они были русскими. Отец работал на Каморру, и ни для кого не было секретом, что русские были врагами. Разве мы не становились изменниками, впуская этих людей в наш дом? У меня голова шла кругом, но я держала вопросы при себе, опасаясь, что все станет еще хуже.

– Ты получишь их, как только мы с моей семьей окажемся в безопасности в Нью-Йорке. Таков был уговор, Владимир, – заговорил отец.

Талия бросила на меня растерянный взгляд, а я вся обратилась в слух. Зачем мы ехали в Нью-Йорк? И что такого совершил отец, что ему понадобилось привлекать русских, чтобы они

обеспечили его безопасность? Он редко говорил о бизнесе в нашем присутствии, но всякий раз, когда я случайно слышала обрывок разговора о Нью-Йорке или русских, то понимала, что они наши враги.

Владимир обменялся взглядом со своими спутниками, затем быстро кивнул.

– Проблем не должно быть. Завтра ты окажешься в Нью-Йорке.

Отец повернулся к нам.

– Почему вы все еще здесь? Я же сказал вам идти собирать вещи. Поторопитесь!

Я колебалась, но мама схватила Талию за руку и повела ее к лестнице. Через мгновение я последовала за ними, но, уходя, все же оглянулась через плечо. Русские переговаривались друг с другом. Отец, казалось, доверял им или, по крайней мере, верил, что у них было достаточно сильное желание получить оставшуюся сумму денег, и они доставят нас в Нью-Йорк. Я кое о чем вспомнила и, догнав маму и Талию, прошептала:

– Почему Нью-Йорк? Думала, мы не можем поехать туда, потому что заправляющая там семья не в ладах с боссом отца.

Мать остановилась.

– Где ты об этом услышала?

– Толком не знаю. Иногда я подслушиваю. Но ведь это правда, верно?

– Нью-Йорк – сложная тема. Я не была там очень давно.

В ее голосе слышалась тоска. Я открыла было рот, чтобы спросить ее об этом, когда внизу раздался грохот, а затем послышались мужские крики.

– Нам нужно спрятаться, – прошептала мама, таща Талию в сторону главной спальни. Я уже собиралась последовать за ними, когда на лестнице раздался грохот приближавших шагов. Я молниеносно протиснулась в ближайшую ко мне комнату, оказавшуюся спальней Талии, и спряталась в ее забитом под завязку шкафу. В самом низу лежала куча одежды, и я постаралась глубже зарыться в нее. Через щели в двери шкафа я все еще могла разглядеть большую часть комнаты, но не всю, поскольку свет, проникавший из коридора, был тусклым. Едва успела присесть на корточки и замереть, как дверь в комнату распахнулась. Мое сердце бешено колотилось в груди. Кто-то, пошатываясь, вошел. На мгновение свет упал на лицо мужчины, и я узнал в нем одного из русских. У него текла кровь из раны на руке. Он подошел к окну. Собирался ли он сбежать через окно? Он попытался приподнять створку, но из-за ее просто заклинило.

Я глубже зарылась в кучу одежды, стараясь не дышать. Следом вошел другой, намного выше и мускулистее первого, и схватил русского. Все произошло слишком быстро, но что-то в вошедшем показалось мне знакомым. Завязалась короткая борьба. Русский вытащил нож, но ему так и не удалось им воспользоваться. Второй схватил русского за шею, резко вывернув ее. Я подавила вскрик, когда увидела, как тело русского покатилось по полу, столкнулось с дверью так, что она распахнулась настежь, и осталось теперь лежать неподвижно. Пустые, мертвые голубые глаза невидяще смотрели в мою сторону. Мертв. Убит.

Я снова перевела взгляд на убийцу. Он стоял ко мне спиной. Но я знала кто он. За последние пару недель, прошедших после вечеринки, он снился мне несколько раз.

То был Гроул.

Глава четвертая

КАРА

Его черная футболка прилипла к спине от пота, а мускулистые руки были покрыты татуировками и шрамами. Этот человек представлял собой смертельную опасность. Теперь ничто его не сдерживало. Все в нем кричало о смерти. Мое сердце бешено колотилось в груди, пока я ждала, что он вот-вот обернется и обнаружит меня. Я не смела шелохнуться или дышать из страха издать хоть малейший звук. Убьет ли он и меня?

Он бы не стал. Он не мог. Статус моей семьи все еще должен был что-то значить, верно? Нет. В нашем доме были русские. Русские, которые должны были отвезти нас в Нью-Йорк. Какой бы властью раньше ни обладал *мой отец*, ее больше не было.

Гроул вышел из комнаты, даже не взглянув ни на человека, которого он убил, ни на шкаф, в котором пряталась я.

Только когда он ушел и я больше не слышала его шагов, я осмелилась снова дышать. А потом появился новый страх. Где был отец и что с ним? И что с мамой и Талией? Я должна была отправиться на их поиски, даже если каждая клеточка моего тела кричала мне оставаться там, где я сейчас была. Нам нужно было быть вместе, но покидать мое укрытие было огромным риском. Я снова взглянула на мертвое тело, распростертое посреди комнаты. Ждала ли и нас такая судьба? Тошнота подступила к горлу, но я проглотила ком. Не время давать слабину!

Потом меня посетила более обнадеживающая мысль. Быть может, нас бы пощадили. Неудивительно, что бойцы Каморры, такие как Гроул, убивали членов Братвы, своих заклятых врагов. Может быть, то был способ убедить всех, что русские были здесь не для нашей защиты, а для того, чтобы убить нас?

Внизу раздались крики и выстрелы. Я напряглась, стараясь расслышать знакомый голос – голос отца. Но ни его голоса, ни голоса матери или Талии я не услышала. Вероятно, мать с Талией все еще прятались в главной спальне.

Я закрыла глаза. Я так и не привыкла к этому миру, хотя и выросла среди людей, которые были его частью. Все те мерзости, в которых участвовал мой отец, практически меня не затрагивали. Но теперь, когда меня окунули в них с головой, я не была уверена, как себя вести. Тем не менее, сидеть и ждать, как мышь в мышеловке, не было решением проблемы. В какой-то момент они тщательно обыщут комнаты, и что тогда будет со мной? Я поднялась на ноги и медленно открыла дверь шкафа, затем вышла наружу. Хотя я знала, что русский наверняка мертв, но все же присела на корточки рядом с ним и прижала пальцы к его горлу. Он был еще теплым, но пульса не прощупывалось. Подумала о том, чтобы надо бы сделать ему искусственное дыхание, но потом заметила, как неестественно вывернута его шея.

Мое тело начала быть крупная дрожь, и на мгновение я была уверена, что у меня начнется приступ паники, но звук голосов вернул меня к реальности. Я встала, мой взгляд упал на нож, который русский выронил во время борьбы. Я, было, собиралась воспользоваться им, когда мне отчетливо вспомнились слова инструктора по самообороне, который проводил уроки по выходным в нашей школе: «Оружие, которым вы не можете управлять, – это еще одно преимущество для вашего врага».

Я не сомневалась, что меня разоружат в мгновение ока. Я никогда не училась драться с оружием, да и вообще драться. Мы с подругами несерьезно относились к урокам по самообороне. Теперь я жалела об этом. Но мы были так поглощены тем, что разглядывали нашего инструктора и строили ему глазки, что у нас не оставалось времени ни на что другое. Я в нерешительности застыла на месте.

Пронзительный крик эхом разнесся по дому. *Талия*.

Тогда я, не раздумывая, выскочила из комнаты. Не была уверена, чем смогу ей помочь, но знала, что мне нужно добраться до нее. Тем не менее, попытка оказалась тщетной, потому что я тут же врезалась в чье-то твердое плечо. В глазах потемнело, я отшатнулась, задыхаясь, и упала на колени. От удара об пол мои колени пронзило болью. Через мгновение я подняла глаза и обнаружила, что смотрю на человека, который совершил убийство у меня на глазах, человека, который одновременно пугал и очаровывал меня с момента нашей первой встречи. Вблизи он был еще выше, а вокруг его горла тянулся длинный еле различимый застарелый шрам. Гроул. Всегда Гроул.

Я ощутила животный страх, когда он посмотрел на меня своими янтарными глазами. В тот момент он не был похож на человека.

Убийца, монстр! Ни в выражении его лица, ни в глазах, ни в *нем* самом не было ничего человеческого!

По его лицу нельзя было понять, узнал ли он меня. На нем не отражалось никаких эмоций. Ничего. Он схватил меня за руку и грубо поднял на ноги. У меня перед глазами снова все поплыло.

– Отведи ее к остальным, – прохрипел он. От звука этого голоса, такого глубокого и грубого, у меня по спине пробежала дрожь.

Другой мужчина взял меня за руку и повел прочь. Я бросила еще один взгляд через плечо, но Гроул – человек со шрамом, не знающий жалости, уже исчез. Я почти не обращала внимания на обстановку вокруг, поэтому чуть не свалилась с лестницы, когда мой похититель потащил меня вниз по ней, пока мы не оказались в гостиной, где уже были отец, мать и Талия.

Отец стоял на коленях на полу перед Фальконе, который был одет в классический костюм в тонкую полоску и белую рубашку с высоким воротником. Талия и мама стояли в нескольких шагах позади. При этом выглядели они так же испуганно, как и я. Меня подтолкнули к ним, и мама тут же обняла меня свободной рукой. Другой она уже обнимала Талию. Я вопросительно взглянула на маму, но она испуганно смотрела на Фальконе. Наконец, я тоже повернулась к нему. На вечеринке он казался жутким, но сегодня выглядел по-настоящему устрашающе.

Бенедетто Фальконе, босс отца и глава мафии Лас-Вегаса, прибыл в наш дом собственной персоной. От его взгляда я похолодела. То, что он был в нашей гостиной, было плохим знаком. Это могло означать только одно: отец сильно напортачил. И то, как сильно потел отец, только подтверждало мои опасения.

Где-то в доме я все еще слышала характерные звуки ожесточенной борьбы. Брань, крики, выстрелы. Я вздрогнула. Все мужчины, собравшиеся в этой комнате, выглядели так, словно пришли сюда убивать. Мертвеца, которого я только что заметила в углу, и того наверху, в спальне Талии, казалось, было недостаточно.

Тяжелые шаги прогрехотали по лестнице, и через несколько секунд в комнату вошел Гроул. Его руки были по локоть в крови. Я не была уверена, была ли это его кровь, но одновременно сильно сомневалась в том, что она принадлежала ему.

Фальконе посмотрел в его сторону.

– Все чисто, Гроул? – поинтересовался он с легким намеком на любопытство, как будто уже знал ответ, и я предположила, что он его знал. Все истории, которые рассказывались шепотом, разом промелькнули у меня в голове. Гроул был непобедим.

Человек, стоявший передо мной сегодня вечером, имел мало сходства с человеком, которого я видел на вечеринке Фальконе. Гроул удачно замаскировался. Но под элегантным костюмом ним скрывался все тот же монстр.

Теперь в том, кем он являлся на самом деле, не было сомнений. Он был лучшим бойцом в рядах Каморры Лас-Вегаса и чудовищем. Именно так люди всегда говорили о нем за его спиной, и теперь я тоже это увидела. Он был боевой машиной без эмоций, карающей дланью Бенедетто Фальконе.

– Все чисто, – произнес Гроул своим глубоким рокочущим голосом.

Мой взгляд метнулся к длинному шраму вокруг его горла. Его голосовые связки, должно быть, были сильно повреждены, раз он не мог нормально говорить. Гроул не должен был пережить подобное ранение, но каким-то образом он выжил, и, возможно, это событие превратило его в монстра, которым он был сейчас. Или же он выжил только потому, что был монстром.

Фальконе отвернулся от своего бойца, и Гроул попятился, исчезая на заднем плане. Я не была уверена, как ему это удалось. Человеку его габаритов трудно было так легко сливаться с окружающей обстановкой. Вероятно, это его умение и делало его таким грозным бойцом.

Фальконе шагнул ближе к отцу, заставив его запрокинуть голову назад.

– Слышал, последние несколько месяцев у тебя было много дел, – начал Фальконе медоточивым протяжным голосом, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. Его ухмылка была мерзкой и злобной. Это сулило лишь наказание.

Отец сглотнул, но ничего не сказал. Почему он ничего не говорил?

– Сколько моих денег ты присвоил, Брандо? – спросил Фальконе все тем же ужасно приторным голосом.

Мой живот болезненно сжался. Не могла поверить, что отец обкрадывал своего босса. Он не мог быть настолько глуп. Все знали, что случилось с людьми, которые связывались с Фальконе.

Улыбка Фальконе стала шире, и он слегка кивнул одному из своих людей, который немедленно вышел на улицу и вернулся через несколько мгновений. Позади него шел Козимо, как обычно одетый с иголки. Что он здесь делал?

Возможно, он поручился бы за отца. Я попыталась поймать взгляд Козимо, но он всецело сосредоточился на Фальконе.

Отец побледнел при виде моего будущего мужа, и я поняла, что надежда моя была напрасной. Отец открыл рот, как будто хотел что-то сказать, но потом закрыл его и промолчал.

Я подалась вперед, пытаясь снова поймать взгляд Козимо, но он ни разу не взглянул на меня. Почему он игнорировал меня? Мы были практически помолвлены. Наша вечеринка по случаю помолвки была назначена на Новый год. Разве он не должен заботиться обо мне?

Он смотрел на отца с таким выражением, что у меня внутри все перевернулось. Это должно было кончиться плохо.

– Почему бы тебе не повторить мне то, что ты сказал мне несколько дней назад? – обратился Фальконе к Козимо, не сводя глаз с отца.

– После того, как мы пришли к соглашению о помолвке с его дочерью, Брандо подошел ко мне и спросил, не хочу ли я подзаработать немного денег. Он рассказал мне о сделке, которую заключил с Братвой, и о том, что обкрадывал вас.

Мамина рука, обнимавшая меня за плечи, дернулась, ее глаза расширились от шока. Талия, должно быть, тоже это почувствовала, потому что вопросительно подняла на меня брови. Как бы она ни была напугана, она выглядела намного младше меня, а я хотела защитить ее, но не знала, как это сделать.

Отец ничего не сказал. Я хотела встряхнуть его, хотела заставить его опровергнуть возмутительные заявления Козимо. Время шло, и с каждой секундой мои надежды на милосердие исчезали, ведь он ничего не опровергал.

Я попыталась поймать взгляд Козимо в последний раз, все еще надеясь на что-то, и когда он наконец посмотрел в мою сторону, мое сердце ухнуло вниз. В его глазах не отражалось никаких эмоций. Сегодня он не был бы моим рыцарем в сияющих доспехах. Он принял решение. Он выбрал свою карьеру, а не меня.

Фальконе повернулся к моей матери с хищным выражением лица. Мать напряглась, но держала голову высоко поднятой. Она была гордой женщиной; это было то качество, которым

я больше всего восхищался в ней. Я беспокоился, что Фальконе может прийти по нраву идея сломать ее. Он был человеком такого сорта.

Он придвинулся к матери, и наконец отец встrepенулся:

– Она ничего не знает. Моя семья ни в чем не замешана. Они невиновны.

Его голос звенел от страха и тревоги. Видя его ужас, слыша его, я оцепенела. Это была не игра.

Талия снова посмотрела на меня, ища поддержки. Боже, как бы я хотела знать, как помочь ей, как помочь своей семье, но я была беспомощна.

Фальконе остановился прямо перед моей матерью, ближе, чем это было предусмотрено социально допустимой нормой. Мать не отпрянула, хотя большинство людей под его пристальным взглядом несомненно сделали бы это. Я надеялась, что буду столь же сильной, если Фальконе будет стоять ко мне лицом к лицу. Он потянулся к ее горлу, и на какое-то безумное мгновение мне показалось, что он собирается ее задушить. Отец пошевелился, чтобы встать, но человек Фальконе осадил его.

Фальконе обхватил пальцами золотое ожерелье матери.

– Но они пожидают плоды твоего предательства, не так ли?

Отец покачал головой.

– Я покупал ожерелье из других средств... – Он замолчал с болезненным выражением лица. Это было явное признание вины. Мне хотелось рыдать. Отец действительно обокрал мафию. Это означало, что его убьют, а может быть, и нас тоже. Фальконе не славился добротой. Слезы страха обожгли мне глаза, когда я подумала о том, что ждет меня впереди. Это могут быть наши последние минуты в этой жизни.

– Нет? – спросил Фальконе с притворным любопытством. Он сорвал ожерелье с шеи матери. Она ахнула и вздрогнула, отпуская меня, приложив пальцы к тому месту, где раньше было ожерелье. Когда она убрала пальцы, они были в крови. Золотая цепочка оставила порез на ее шее.

Затем он указал на серьги Талии. Талия отступила на шаг назад.

– А эти? Он потянулся за одной серьгой.

– Оставьте ее в покое! – внезапно вмешалась я. Отец и мать уставились на меня так, словно я спятила. Фальконе, прищурившись, медленно повернулся ко мне. Он отступил от Талии и направился в мою сторону. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы остаться стоять на месте, когда все, чего я хотела, – это бежать так быстро, как только могли унести меня ноги.

На мне не было никаких ярких украшений, которые он мог бы использовать против меня или моего отца, но я знала, что это не защитит меня.

Взгляд его жестких глаз, казалось, пронзал меня до глубины души. Я старалась не показывать своего отвращения и страха, но не была уверена, что смогла держать свои эмоции под контролем. Я была не опытна в столкновении с истинным злом.

– А ты храбрая, верно? – спросил Фальконе. У меня было такое чувство, что это был вовсе не комплимент. Я ждала, что он что-нибудь сделает со мной, накажет меня за мою дерзость, но он просто посмотрел на меня и вновь повернулся к отцу. По какой-то причине его снисходительность беспокоила меня. Это навело меня на мысль, что, возможно, у него было припасено для меня кое-что похуже, но позже. Это был еще не конец.

– Интересно, ты правда полагал, что тебе это сойдет с рук, Брандо? – спросил Фальконе. Он коснулся плеча отца притворно дружеским жестом.

– Я всегда зарабатывал для вас больше денег, чем любой из ваших подчиненных. Я буду работать бесплатно столько, сколько вы потребуете. Я заглажу свою вину перед вами, клянусь!

– Ты загладишь свою вину передо мной? – повторил Фальконе. – Ты предал меня. Ты украл у меня мои деньги и отдал их русским, моим врагам. Как ты собираешься заградить свою вину передо мной?

– Сделаю все, что угодно, – выдавил из себя отец.

Фальконе задумчиво потер подбородок. Это выглядело так, как будто он отработывал это движение бесчисленное количество раз перед зеркалом.

– Есть кое-что, что ты точно можешь для меня сделать.

Отец нетерпеливо кивнул, но я не почему-то не чувствовала ни малейшей радости. Взгляд Фальконе не сулил ничего хорошего. Фальконе вытащил пистолет из кобуры под пиджаком и приставил его к голове отца. – Ты можешь сдохнуть.

И нажал на спусковой крючок.

Я закричала, делая шаг вперед, чтобы помочь отцу, и мама тоже, но двое парней преградили нам путь. Талия пронзительно закричала, и от ее жалкого визга у меня волосы встали дыбом. Я посмотрела на отца, ожидая худшего, но он не упал. Он был невредим. Я задрожала, ужас сменился облегчением.

Отец закрыл глаза, его губы зашевелились в безмолвной молитве, прежде чем он взглянул на Фальконе. В его взгляде определенно было облегчение, но также и тревога.

Фальконе ухмыльнулся.

– Но сначала нам нужно знать все, что тебе известно о русских и обо всем остальном, что может нанести вред моему бизнесу, согласен?

Фальконе не стал дожидаться ответа отца. Вместо этого он указал на Гроула.

– Поговори с ним. И сделай это быстро. У меня есть дела поважнее.

Гроул не колебался. Он схватил отца за руку, поднял его и потащил в столовую.

Маму, Талию и меня загнали в угол, и нам пришлось ждать, слушая приглушенные крики и стоны отца. Талия прижала ладони к ушам и зажмурилась. Мама крепче обняла нас обеих. Мне хотелось заткнуть уши, отгородившись от пыток отца, но если ему приходилось терпеть боль, я могла, по крайней мере, справиться с этим. Я нервно разминала руки, гадая, выдаст ли отец секреты, которые сделают ситуацию еще хуже. Имело ли это вообще значение?

В соседней комнате все стихло. Я уставилась на закрытую дверь, желая, чтобы она открылась и вышел отец. Что, если тишина означала, что отец потерял сознание? Или еще хуже.

Дверь со скрипом отворилась. Мать напряглась. Гроул вывел отца. Без его стальной хватки отец бы упал.

Фальконе поднялся со стула.

– Все сделано?

Гроул кивнул. Он вывел отца в центр комнаты, затем отпустил его. Отец упал на колени. Гроул снова отступил на задний план, когда Фальконе встал перед отцом.

– Я сильно разочарован в тебе, Брандо. На самом деле мне очень жаль. Тебе следовало подумать о своей семье, прежде чем ты решил обмануть меня.

Отец кашлянул, затем прохрипел:

– Не... не наказывай их за мою...

Фальконе не дал ему возможности закончить фразу. Он повернулся спиной к моему отцу.

– Гроул, – заговорил он.

Гроул вышел вперед, ожидая приказов. Он собирался убить моего отца; другого варианта не было.

– Ты хорошо справился, Гроул. Губы Фальконе растянулись в мерзкую улыбку. – Вот почему у меня есть для тебя подарок.

Гроул стоял неподвижно, истекая кровью и потом, глаза были холодными и пустыми, как будто в них зияла черная дыра, которая поглощала все вокруг. Я вздрогнула. Его взгляд

был столь ужасным на вечеринке. Должно быть он еще чувствовал адреналин от недавнего убийства, а запах крови, своей и чужой, будил в нем монстра.

Отец покачал головой.

– Вы не можете!

Я вздрогнула.

Гроул едва взглянул в его сторону, но зато пристально уставился на меня. Боже, смилуйся.

Глава пятая

КАРА

– Я могу и я должна. – Фальконе кивнул одному из своих людей. Это был молчаливый приказ. Мужчина шагнул вперед и ударил отца кулаком в живот, отчего тот зашипел и закашлялся. Кровь стекала по подбородку отца, когда он поднял на меня глаза.

Я не понимала, что это значит. Фальконе раскрыл объятия.

– Ты был хорошим бойцом и заслуживаешь награды. – Он указал на меня одним пальцем, и мой мир рухнул. Я видела, как моя жизнь рушится прямо у меня на глазах, а потом все стало намного хуже. Палец Фальконе переместился с меня на мою сестру. Глаза Гроула метнулись к ней. – Одна из них. Выбор за тобой.

– Нет! – закричала я, отрываясь от матери и пытаюсь пройти мимо мужчины, который преградил мне путь. Гроул так сильно схватил меня за руки, что, наверное, останутся синяки. Я поморщилась от боли, пронзившей все мое тело.

Талия в страхе застыла рядом с матерью.

– Прошу, – произнес отец, сложив руки в умоляющем жесте. – Они невиновны. Накажите меня, но не причиняйте им вреда.

Фальконе едва взглянул в его сторону.

– О, я накажу тебя, не волнуйся. Но все будет не так просто.

Было очевидно, что он получал огромное удовольствие от происходящего. Эту комнату заполнили монстры, но у меня было такое чувство, что Гроул был худшим из них.

– Выбор за тобой, Гроул. Бери кого хочешь. Уверен, что тебе понравится любая из них, – сказал Фальконе с неприятной улыбкой. Мне ничего так не хотелось, как силой стереть ее. Взять тяжелую мраморную скульптуру обнаженного греческого бога, которую так любила моя мать, и разбить ее об уродливое лицо Фальконе. Понятия не имела, откуда взялись эти жестокие образы. Я никогда не имела склонности к насилию, но предполагала, что в подобной ситуации любого можно довести до белого каления.

Взгляд Гроула остановился на моем лице. Я думала, что он будет пялиться на мое тело, но его взгляд не отрывался от моего лица. Я почти хотела, чтобы все было по-другому. Его глаза буквально затягивали. Я не желала узнавать ужасные секреты, которые они таили в своих глубинах.

– О, думаю, выбор сделан, – сказал Фальконе со смехом.

Гроул слегка кивнул.

– Она, – пророкотал он, все еще не сводя с меня взгляда.

Ужас, страх, отчаяние обрушились на меня вместе с облегчением. Облегчением, потому что Талию пощадили. Я не хотела, чтобы моя сестра оказалась на моем месте, но я не должна была чувствовать облегчения, когда моя собственная жизнь разрушена.

– Вот и хорошо, – покровительственно сказал Фальконе, махнув рукой. – Она твоя.

Она твоя. Он говорил обо мне. Я принадлежала Гроулу.

– Вы не можете этого сделать! – взревел отец. Не ожидала, что в нем осталось так много силы. Я была опустошена, никакой борьбы, ничего. Все померкло.

– Возьми меня. Она еще ребенок, – взмолилась мама.

Фальконе снова злобно рассмеялся.

– Кому нужен сморщенный чернослив, если можно съесть сочный персик?

– Следите за языком, – прошипел отец. Возможно, я бы больше восхищалась его внезапной храбростью, если бы он не был причиной нашей гибели. – Я не собираюсь стоять в стороне, пока ты оскорбляешь мою жену и отдаешь мою дочь этому... – он с отвращением посмотрел на Гроула. – Этому чудовищу.

Фальконе кивнул.

– Ты прав. Тебе не следовало бы это видеть. Он направил пистолет на отца, и я открыла рот, чтобы закричать, но прежде чем с губ слетел хоть один звук, Фальконе нажал на спусковой крючок. На этот раз все было по-настоящему. Пуля пробила отцу висок. Его голова резко откинулась назад, глаза расширились, а ноги подкосились.

Крик вырвался из моего горла. Наконец-то! Но слишком поздно. Что произошло? Как это произошло? Это казалось слишком сюрреалистичным, как что-то, что могло случиться только в кино, что-то, что никак не могло произойти прямо у меня на глазах. Сон. Кошмар.

– Нет! – взвизгнула мама. Она бросилась к отцу и упала на колени. Она беспомощно похлопала его по груди, как будто это могло вернуть его к жизни. Похоже было на то, как если бы она искала его бумажник, и в какой-то ужасный момент я была готова рассмеяться, но при этом у меня сдавило горло. Было трудно дышать, и, возможно, сейчас это было бы не самое худшее – перестать дышать, пока все не погрузится во тьму. Мать положила голову отца к себе на колени, но когда она отдернула руки, они оказались покрыты кровью и еще чем-то белым. Мозг. О боже!

В глазах потемнело, и желчь поднялась к горлу. Я с трудом сглотнула, заставляя себя сохранять лицо среди этих ужасных существ, окружающих мою семью и меня. По какой-то причине я взглянула на свои руки, как будто они тоже были покрыты кровью. Интересно, что бы я почувствовала, если бы кровь Фальконе покрывала мои руки. Если бы я убила его так же, как он убил моего отца. Наверное, это непередаваемое чувство, и меня пугало, что я тешила себя этими мыслями.

– Твоя работа здесь закончена, Гроул. Майк и Мимо позаботятся обо всем остальном. Забирай свою награду домой и наслаждайся ею. Я уверен, что она станет хорошим развлечением для тебя на какое-то время.

Прошло мгновение, прежде чем я поняла, что он говорит обо мне. Я даже не успела среагировать, как Гроул появился передо мной, массивный и высокий, от него пахло порохом и кровью. Я бросила взгляд на его лицо, но выражение его глаз заставило меня отшатнуться, и я уставилась на его грудь, на мышцы, напрягшиеся под рубашкой.

Он схватил меня за руку. Его хватка была крепкой и причиняла боль, но я не отстранилась. Моя мать все еще стояла на коленях рядом с отцом. В ее глазах застыл ужас. Гроул подтолкнул меня в направлении двери, и когда я не отреагировала, просто начал тянуть меня за собой.

Талия посмотрела на меня глазами, полными слез. Я попыталась вырваться, но его хватка даже не походила на человеческую. Казалось, он и не замечал мое сопротивление. Я была назойливой мухой, нападающей на льва.

– Подожди! – закричала я, и, к моему удивлению, Гроул и в самом деле остановился с выражением недоумения на лице. Я повернулась к Фальконе. – А что насчет моей сестры и матери? Что с ними будет?

– Это не твое дело, – сказал он со злобной ухмылкой. Затем он взглянул на Гроула. – Убери ее с моих глаз долой. Я начинаю уставать от нее.

Гроул усилил хватку и потащил меня прочь, несмотря на мои протесты. Талия попыталась подбежать ко мне, но ее остановил другой человек Фальконе. Мать же оказалась слишком далеко от нас обеих.

– Кара! – Талия плакала, ее взгляд умолял меня помочь ей. Но как?

Гроул открыл дверь, и мы оказались снаружи. Талия снова закричала, но ее слов было не разобрать.

Дверь, разделившая нас, закрылась, и испуганные крики Талии стихли. Я шла на автопилоте. Но даже если бы у меня сейчас подкосились ноги, Гроул просто потащил бы меня за

собой. Наконец я оторвала взгляд от своего дома. Не могла больше смотреть на него, зная, что, возможно, никогда больше его не увижу.

Мой взгляд, наконец, остановился на высоком мужчине, который тащил меня к огромному черному «Хаммеру», и страх за мою сестру и мать отошел на задний план, когда я осознала свою собственную судьбу. Фальконе отдал меня своему самому жестокому бойцу. Если я выживу сегодня, то захотела ли жить дальше? Может быть, смерть покажется самой сладкой милостью после того, что Гроул сделает со мной.

Глава шестая

ГРОУЛ

У меня путались мысли, пока я тащил Кару к своей машине. Я часто думал о ней после того, как впервые увидел ее на вечеринке Фальконе. Я пожалел, что вообще пошел на ту гребаную вечеринку, в частности, потому, что ее образ преследовал меня во сне все последующие недели.

Ощущал себя обезьяной в костюме и понимал, что выгляжу также. Каким-то *чудовищем*, которое они хотели держать в клетке до тех пор, пока им не понадобится выпустить его на волю. Я знал, что Фальконе пригласил меня только для того, чтобы людям было о чем посплетничать. Даже после всех этих лет они считали меня монстром, которого следует бояться.

Я, без сомнения, и был монстром. Но я был не единственным чудовищем в этой комнате. Я даже не был уверен, что был худшим из присутствующих.

Я убил большинство людей голыми руками; я не мог этого отрицать, да и не хотел. Я был чертовски горд тем, что сделал. По крайней мере, большей частью совершенного мной. Убийства были единственной вещью, в которой меня невозможно было превзойти. Я был лучшим. И пусть мой талант убивать превратил меня в одного из худших монстров, но я понимал, как легко приказ убивать и калечить срывался с языков большинства мужчин, собравшихся на этой вечеринке, как они наслаждались своей властью делать это.

Однако это не превращало их в монстров, подобных мне. Но в любом случае не мне было решать. Может быть, однажды всем им, включая меня, придется столкнуться с высшими силами. Этот день не закончился бы для этих людей ничем хорошим.

Однако я не слишком переживал по этому поводу. Я прошел сквозь ад и все еще живу в нем. За меня нечего было бояться. Ничто из того, что ожидало меня после смерти, не могло причинить большего вреда, чем мне уже нанесен. Я была сломлена, осталось уничтожить только тело, но и это меня не сильно беспокоило. Я познал боль, даже агонию. Это была единственная постоянная величина в моей жизни. Я практически сроднился с болью. Она стала единственным, на что я мог рассчитывать, чем-то предсказуемым.

Нет, я не боялся боли или смерти, если уж на то пошло. Фальконе всегда говорил, что именно эти качества устраивают его во мне. И я гордился его своеобразной похвалой, даже если слова, слетавшие с уст Фальконе, оставляли горькое послевкусие.

Он считал меня слабоумным, думал обо мне как о глупой карманной собачке, которая выполняет его приказы, не имея ни малейшего представления о том, что он задумал. Словно одна из тех бойцовских собак, которых Фальконе и многие другие держали для развлечения.

Но многие люди совершают одну и ту же ошибку – принимают молчание за глупость, приравнивают недостаток слов к недостатку понимания и отсутствие знаний. Это была ошибка, за которую они могли однажды поплатиться. Я знал большинство их самых потаенных секретов просто потому, что они не умели держать свои гребаные рты на замке, когда я был рядом. Они думали, что я не слушаю или не понимаю, что они говорят.

Я презирал их, но они хорошо платили, в том числе и уважением за мою силу и жестокость. Этого мне хватало с лихвой. Я не планировал пускать в дело имеющиеся у меня знания. Мне не так уж много было нужно: деньги, чтобы купить еду для себя и своих собак, а также изредка на женщин и выпивку. Мне нравилась моя простая жизнь. Осложнения мне были ни к чему.

Я бросил взгляд на съездившуюся на пассажирском сиденье девушку. Надеялся, что она не слишком усложнит мне жизнь. Но разве я смог бы вернуть ее им обратно или просто отпустить ее? Фальконе бы это не понравилось.

Не то чтобы у меня было намерение когда-либо возвращать ее им. Она была моим самым ценным приобретением на сегодняшний день. Она смотрела в окно, игнорируя меня. Как и тогда на вечеринке. Как и все они, пока я не доказывал им, что игнорировать меня нельзя. Неужели она все еще думала, что выше меня? Я снова перевел взгляд на дорогу. Это не имело значения. Теперь она принадлежала мне. Эта мысль заставила меня гордиться собой, а мой член напрягся от предвкушения. Моя.

КАРА

Я едва могла дышать. От страха и зловония. Боже, вонь была ни с чем не сравнима! Кровь. Металлический и сладкий, угнетающий запах крови. Я все еще могла видеть лужу крови, растекающуюся под безжизненным телом отца, могла видеть мать, стоящую на коленях в луже красного цвета, и расширенные от ужаса глаза Талии. Каждое мгновение сегодняшнего вечера, казалось, было теперь выжжено в моем сознании.

Мой взгляд метнулся к мужчине рядом со мной. Гроул. Он управлял машиной одной рукой и казался расслабленным, почти умиротворенным. Как кто-то мог быть таким спокойным после того, что произошло? После того, что он сделал?

Его одежда была залита кровью, как и руки. Так много крови! Отвращение парализовало меня. Несколько недель назад мои телохранители, которые предали мою семью, быстро увели бы меня от такого человека, как он. Моя мать практически оттащила меня от него на вечеринке Фальконе. А теперь я оказалась в его власти. Он был жестокой, карающей дланью, повинующейся воли Фальконе.

Поток беспорядочных мыслей прервался, когда он повернулся ко мне. Его глаза ничего не выражали. Они были зеркалом, отражающим мой собственный страх. Его руки были покрыты боевыми татуировками – ножами, шипами и пистолетами.

Я не могла перестать смотреть на него, хотя и хотела. Мне *нужно* было это сделать, но я остолбенела. В конце концов он снова переключил свое внимание на дорогу. Я вздрогнула и наклонила голову вперед, пока мой лоб не уперся в прохладное окно. В голове шумело. Я не могла ясно мыслить. *Возьми себя в руки*. Мне нужно было найти выход из сложившейся ситуации.

Но мы уже сбавляли скорость, когда свернули в захудалый жилой квартал. Краска облупилась с большинства фасадов домов, а дворы перед домами были завалены горами мусора. Машины без покрышек и с разбитыми стеклами были припаркованы у самых домов. Они уже никуда не могли уехать. Это был конец и для них, и для меня.

Гроул остановил машину перед свежевыкрашенным гаражом, а затем вылез из нее. Прежде чем я успел придумать план, он уже оказался рядом со мной и открыл пассажирскую дверь. Он схватил меня за плечо и вытащил наружу. Я едва держалась на ногах, но ему, похоже, было плевать. Он провел меня вокруг машины, по потрескавшемуся тротуару и заросшей лужайке перед домом. Через два дома от нас подростки, сбившись в кучу, слушали музыку и курили, а через дорогу беременная женщина в изодранной майке и с татуировками на руках выносила мусор. У нее был такой вид, будто она могла родить в любую минуту.

Я открыла рот, чтобы позвать на помощь. Гроул резко выдохнул.

– Давай. Кричи. Они тебе не помогут. У них своих проблем хватает.

Я заколебалась. Подростки и женщина и вправду смотрели на нас, наблюдая, как Гроул тащит меня к своему дому, но даже и глазом не моргнули. Даже вид крови на одежде Гроула, казалось, не шокировал их. На их лицах было смирение. Казалось, оно сочилось из их пор. У них не было сил позаботиться о себе, взять под контроль свою собственную жизнь, бороться за свое будущее, не говоря уже о моем будущем. Но я все равно умоляла их взглядом, надеялась. Все еще продолжала надеяться после всего произошедшего. Женщина первой отвела взгляд и

зашла в свой дом, а через несколько мгновений подростки вернулись к своему занятию. Этим людям было все равно, что со мной происходит. Они бы не помогли мне.

Мы подошли к двери. Краска на ней облупилась, обнажив выгоревшее на солнце дерево. Гроул открыл дверь. Она была не заперта. Мой взгляд снова метнулся к группе мальчишек-подростков. Не похоже было, чтобы они не захотели проникнуть в дом, который даже не был заперт.

Я посмотрела на своего похитителя, на шрам, идущий вдоль его горла, кровь на его рубашке и руках, на жесткие черты его лица. Гроул встретился со мной взглядом, и мои ноги чуть не подкосились от темноты, плескавшейся в его янтарных глазах. Он промолчал.

– Даже в этом районе никто не осмелится перейти тебе дорогу, – прошептала я.

– Верно. Но не поэтому я могу не запираť эту дверь. Большинство людей, живущих в этом районе, – наркоманы, и им нечего терять.

Гроул затащил меня в свой дом и закрыл дверь. Внутри обстановка оказалась еще хуже, чем снаружи. Кондиционер работал на максимуме, превращая маленький коридорчик, в котором мы стояли, в морозильную камеру.

Меня била крупная дрожь, но Гроул, казалось, был невосприимчив к холоду. На стенах не было ни картин, ни каких-либо предметов декора. Этот дом был одиноким, темным местом. Все двери были закрыты, но за одной из них я услышал звуки, происхождение которых не могла определить. Напоминали они постукивание. Может быть, там была другая женщина, которую он запер в одной из комнат? Слезы навернулись мне на глаза. Вот оно. Все было кончено. Неужели я уже перестала бороться?

Он затащил меня в комнату. Это была его спальня? Единственными предметами мебели были кровать и шкаф, но нехватку мебели с лихвой компенсировало наличие декора на стенах. Кругом висели кинжалы и ножи. Гроул отпустил меня; я, спотыкаясь, двинулась вперед и упала на колени. Можно было бы упасть на кровать, но я не желала к ней приближаться. Я быстро обернулась, горло перехватило от страха, пока Гроул наблюдал за мной из дверного проема. Он выглядел так, словно восстал из ада: человек, окутанный аурой тьмы, смерти и кровью. Чудовище. О боже, боже, боже!

– Я вернусь, – пробормотал он, прежде чем повернуться и закрыть дверь.

Глава седьмая

КАРА

Я вернусь.

Я не слышала, как щелкнул замок. Неужели он был настолько самоуверен, что не считал нужным запираť дверь? Его шаги удалялись до тех пор, пока я не перестала их слышать. Что он делала?

Я вернусь.

Это прозвучало как угроза. Я перевела взгляд на кровать и молниеносно поднялась на ноги. Совершенно очевидно, что он собирается со мной сделать, как только вернется. И как мне защититься от него?

Я пыталась подавить панику, но сердце не бешено колотилось, а руки были влажными от пота. Боковым зрением я отметила, где висят ножи. Понимала, что я не боец. К тому же я не знала, как обращаться с ножом или любым другим видом оружия. Мне никогда не приходилось причинять кому-то боль. Скорее всего, я даже не способна на это.

Я подошла к одному из висевших кинжалов. Он был не самый заметный, с прямым лезвием. И он пугал меня меньше всего. Я протянула руку и обхватила пальцами рукоятку. Ощущался он вполне естественно, совсем не так, как я себе представляла, но я не обманывалась, понимая, что вряд ли смогу им воспользоваться. Сняла его со стены. Он весил больше, чем я ожидала, и почему-то я почувствовала облегчение, что у меня есть что-то существенное, за что мне можно держаться.

Я осмотрела комнату. Адреналин, бурлящий в моей крови, придавал мне смелость. Я подбежала к окну. Но на окне имелась решетка. Я с трудом подавила приступ истерического смеха. Бессмысленно сходить с ума, во всяком случае пока. Окна были покрыты слоем пыли, создавая иллюзию удаленности внешнего мира. Снаружи дом, конечно, был не лучше, чем внутри. От него веяло безнадегой.

Я подалась назад от окна и крепче сжала нож. Это был мой единственный шанс. С таким же успехом такой шанс мог и не выдаться вообще. Раздался звук шагов, и на мгновение я застыла от нерешительности и страха. Возможно, все стало бы только хуже, если бы я напала на Гроула, но я не была уверена, как это осуществить. В его глазах не было ни света, ни милосердия, ни доброты, ничего, за что я могла бы зацепиться и надеяться, что меня будет ждать сносная судьба. Может быть, у меня и было мало надежды на успех, но...

Мой взгляд метнулся к кровати королевского размера, наличие которой было странно для мужчины такого роста, как Гроул. Покрывала были темно-красного цвета, вероятно, чтобы скрыть пятна крови. Я вздрогнула, когда в моем сознании ожили образы один ужаснее другого.

Теперь страх был сильнее нерешительности, и я быстро спряталась за дверь. Мне нужно было застать Гроула врасплох, если я хотела получить хоть малейший шанс ранить его. Но достаточно ли этого? У меня было такое ощущение, что Гроул походил на быка во время корриды. Несколько ран не свалили бы его с ног. Перед моим мысленным взором мелькнула картинка: Гроул преследует меня, а из его груди торчит несколько окровавленных ножей. Мне нужно было хорошо прицелиться, что нанести смертельный удар.

Новая волна паники захлестнула меня. Это была не я. Такой я не хотела быть. Впервые в жизни я возненавидела своего отца. Он навлек на нас беду, заставив нас окунуться в жизнь, которую никто из нас не выбирал. Боже, что там с Талией? Все ли с ней в порядке? Она была слишком молода для этого! Что если ее отдали другому бандиту? Ей было всего пятнадцать. Мне следовало быть рядом с ней, я должна была защитить ее. Вместо этого я даже не была уверена, смогу ли защитить саму себя.

Шаги Гроула затихли прямо перед входом в комнату. Я быстро сбросила туфли на высоких каблуках, затем затаила дыхание, чтобы лучше слышать, что происходит за дверью, и подняла нож. Мне пришлось бы целиться ему в горло. Даже я знала, что это самое уязвимое место на теле человека. Но однажды он уже выжил после похожего ранения. Как я могла надеяться, что мне удастся убить его, когда другие не преуспели в этом?

Он был намного выше меня, так что мне пришлось бы вонзать нож снизу вверх. Смогу ли я вложить достаточную силу в удар? Дверь начала приоткрываться, а затем в поле зрения появилась высокая фигура Гроула. Моя кровь закипела от адреналина, когда я бросилась на него.

Гроул поднял руку, чтобы отразить мою атаку. Лезвие рассекло его покрытое татуировкой предплечье, и из раны сразу же хлынула кровь. Но его лицо даже не исказила гримаса боли. Он попытался схватить меня за руку, но я увернулась, воспользовавшись преимуществом, что я миниатюрнее и поэтому мне легче уклониться от него. Снова замахнулась ножом куда-то вверх, почти вслепую. Издав низкий гортанный звук, Гроул схватил меня за запястье. Я вскрикнула от боли и выронила нож.

Холодок страха пронзил меня, когда я увидела, как мое единственное оружие с громким лязгом упало на пол. Снова взглянула на монстра.

Лицо Гроула ничего не выражало, но я не обманывалась, понимая, что привела его в ярость. Этот человек убивал людей за меньшие проступки. Я дернулась назад, но его пальцы на моем запястье железной хваткой держали меня. Однако это меня не остановило. У меня был только один шанс. Он вполне мог решить, что я не стою таких хлопот, и убить меня.

Пнула его ногой, но промахнулась, поскольку он быстро среагировал. Он толкнул меня по направлению к кровати, как будто я ничего не весила. У меня не было никакого шанса остановить падение, и я по инерции приземлилась на живот поверх матраса. Это выбило весь воздух из моих легких, и на мгновение мне показалось, что я умру от недостатка кислорода, но затем я сделала глубокий вдох. Я попыталась приподняться, но мускулистое тело Гроула придавило меня к матрасу. Паника охватила меня. Я вильнула бедрами в попытке высвободиться. Когда это не сработало, я замахала руками, пытаясь ударить Гроула. Издав звук, свидетельствующий об его нетерпении, он развернул меня лицом к себе, оседлав мои бедра, а оба мои запястья зажал одной ладонью. Теперь у меня не оставалось иного выбора, кроме как посмотреть ему в лицо. Он переоделся, и теперь на нем была приталенная белая рубашка, испачканная его собственной кровью, сочившейся из раны на руке.

Его руки были грубыми и покрытыми шрамами. Они странно выглядели на фоне моей бледной кожи. Я в ужасе закричала. Гроула пристально уставился на меня. Я почему-то отметила про себя, что у него были острые скулы и заостренный подбородок. В этом человеке не было ничего мягкого, что уж говорить про его сердце.

Он не ослабил хватку на моих запястьях. При этом он ни делал ровным счетом ничего, только продолжал пялиться. Я понимала, что должна отвести взгляд. Разве это не то, что вы по обыкновению стараетесь сделать, неожиданно столкнувшись со злой собакой? Но меня поймало в ловушку не только мощное тело Гроула, но и устрашающий взгляд. Его дыхание было ровным, как если бы между нами не произошло недавней борьбы. Для него борьба не значила ничего. Он переместил одну руку ниже, к моему животу. Моя рубашка задралась во время нашей борьбы, обнажив полоску кожи. Я напряглась, когда Гроул положил руку мне на живот. Что он делал? Он пристально уставился на свою руку, лежащую на моей бледной коже. Он едва касался меня кончиками пальцев, потом медленно перевел взгляд на меня.

Гроул наблюдал за мной, как будто я была существом неизученного вида, чем-то, природу чего он не мог понять. И, возможно, это было правдой.

Я предприняла еще одну нерешительную попытку высвободиться из его хватки, но она казалась смехотворной. Возможно, если бы он был способен на смех, Гроул бы посмеялся надо мной.

– Хватит, – спокойно приказал он.

И по какой-то причине я и вправду прекратила брыкаться.

ГРОУЛ

Я заработал себе определенную репутацию и чертовски гордился ею. Меня боялись, уважали, и это было намного больше, чем кто-то когда-либо мог ожидать от кого-то вроде меня, никчемного сына шлюхи, ублюдка, мальчишки, предпочитавшего молчать.

Мое место было в сточной канаве. У меня не было ничего своего, я даже не смел мечтать о том, что когда-то стану обладателем чего-то столь ценного. Я был нежеланным внебрачным сыном, которому всегда приходилось довольствоваться чужими объедками. А теперь Фальконе отдал мне ту, о которой всего пару недель назад я и мечтать не смел, ту, которой мне даже не разрешалось восхищаться издавна, одну из самых ценных представительниц высшего общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.